

**«ВСЕ МЫ, БЛАГОРОДНО-ПРОСТОДУШНЫЕ
ПРОВИНЦИАЛЫ...»:
ПИСЬМА КОХАНОВСКОЙ (Н. С. СОХАНСКОЙ)
К М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ (1860—1866 гг.)**

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
О. Л. Фетисенко)*

Аннотация: Впервые публикуемые 15 писем Кохановской (Надежды Степановны Соханской; 1823—1884), сохранившиеся в РО ИРЛИ в фонде литературного критика и публициста Михаила Федоровича Де-Пуле (1822—1885), открывают неизвестные страницы в жизни этих двоих «литературных изгнанников», которые, никогда не видя друг друга, установили на некоторое время содержательно-насыщенную переписку, тем более интересную, что время это совпало с эпохой реформ и «великих потрясений», нелегко переживаемой младшими представителями «людей сороковых годов».

Ключевые слова: Н. С. Соханская (Кохановская), М. Ф. Де-Пуле, И. С. Аксаков, эпистолярный, «Воронежская беседа», «Русское слово», «Отечественные записки», газета «День», литературная ситуация 1860-х гг., литература русской провинции.

Abstract: For the first time published 15 letters of Kokhanovskaya (N. Sokhanskaya), preserved in the archive fund of literary critic and publicist M. De-Poulet, open up unknown pages in the lives of these two “literary exiles” who, having never seen each other, established for a while a content-rich correspondence, the more interesting that its time coincided with the era of reforms and the “great upheavals” that were not easily experienced by the younger representatives of “people of the forties”.

Keywords: N. Sokhanskaya (Kokhanovskaya), M. De-Poulet, I. Aksakov, letters, journalism, literary collection “Voronezhskaya beseda”, literature of the Russian province.

На рубеже 1850-х — 1860-х гг. в России возникло общественное движение, получившее позднее название «областничество».¹ Не миновало оно и Воронежа, где уже давно существовал так называемый Второвский кружок,² активными участниками которого были педагоги

¹ См. об этом: Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.

² О Н. И. Второве (1818—1865) и его кружке см.: Де-Пуле М. Ф. Николай Иванович Второв // Русский архив. 1877. Вып. 6. С. 136—165; Вып. 7. С. 327—353;

Михайловского кадетского корпуса П. П. Готов³ и Михаил Федорович Де-Пуле (1822—1885), ставившие целью пробуждение русской провинции к «органической жизни» «хотя бы такими невинными средствами, как археологические и исторические разыскания».⁴ Де-Пуле, выпускник Харьковского университета, преподавал в Воронеже с 1848 г. русский язык и историю. К концу 1850-х гг. он был уже довольно известным литературным критиком и публицистом, печатавшимся и в столичных изданиях, причем далеко отстоящих друг от друга по «направлению» — от умеренно-либеральных «Атеней», «Московских ведомостей» до славянофильской «Русской беседы».⁵ «...Эстет, делающий уступки времени», — так охарактеризовал его в словарной статье Е. М. Гаршин.⁶ Но эти уступки имели свой предел. Возможно, как было, например, с его младшим современником К. Н. Леонтьевым, именно «эстетические разногласия» с господствовавшей в обществе идеологией привели Де-Пуле к середине 1860-х гг. в лагерь охранителей и даже «обрусителей» (как известно, он перешел на службу в Виленскую губернию).

В архиве Де-Пуле (РО ИРЛИ, ф. 569) сохранилось 15 писем Надежды Степановны Соханской (1823—1884), ранее не привлекавших внимание исследователей. Ответные письма находились в домашнем архиве писательницы. О них упоминает библиограф С. И. Пономарев, разбиравший в 1890-х гг. по просьбе наследников ее впоследствии утраченный архив.⁷

Н. С. Соханская, начавшая свой литературный путь еще в 1840-х гг. малоудачными повестями (подражаниями то Марлинскому, то Гоголю), к середине 1850-х выросла до неузнаваемости, обретя собственный

Вып. 8. С. 426—469; Павлова В. А. Н. И. Второв и его кружок // Очерки литературной жизни Воронежского края XIX — нач. XX в. Воронеж, 1970. С. 180—190; Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции: Воронежский край в «эпоху Чернышевского». Воронеж, 1985; Удодов Б. Т. Второв Николай Иванович // Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 497—498. В Воронеже Второв прожил сравнительно недолго (1849—1857), но и после его отъезда его имя продолжало объединять местную «умственную аристократию» (выражение М. Ф. Де-Пуле; Русский архив. 1877. Вып. 8. С. 469).

³ См. ниже примеч. 12 к п. 4.

⁴ Русский архив. 1877. Вып. 7. С. 335.

⁵ Литература о М. Ф. Де-Пуле не велика. Работы, вышедшие до сер. 1980-х, указаны в пристатейной библиографии в словаре «Русские писатели» (Т. 2. С. 108). С тех пор появилась лишь одна посвященная ему статья, нацеленная на восстановление доброй памяти о забытом литераторе: Котов А. Э. «Великая идея всероссийзма»: Политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского университета. Сер.: История, политология, социология. 2016. № 1. С. 54—59.

⁶ Е. Г. <Гаршин Е. М.> Де-Пуле Михаил Федорович // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. X. С. 422.

⁷ Пономарев С. И. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 296. См. также: Пономарев С. И. Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней // Там же. 1897. Февр. С. 561—568.

оригинальный «почерк» — жанр и язык, закрепив это преобразование новым литературным именем — Кохановская.⁸ Так с 1856 г. подписаны все ее произведения. Познакомившись с повестями «После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов», писательницей особенно заинтересовались московские славянофилы, увидевшие в Кохановской носительницу их идеала «положительного» отношения к жизни. В конце 1858 г. И. С. Аксаков, искавший новых авторов для журнала «Русская беседа», установил переписку с Надеждой Степановной, и в следующем году она стала сотрудницей этого славянофильского издания.⁹

Переписка с Де-Пуле завязалась точно при таких же обстоятельствах. Он и другие участники бывшего Второвского кружка задумали издание сборника «Воронежская беседа», к участию в котором было решено привлечь и писательницу, с одной стороны, уже обладавшую всероссийской известностью, с другой — так же, как и сами воронежцы, представлявшую южно-русскую провинцию. Соханская жила на хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии. Де-Пуле, как мы уже упоминали, в Харькове учился в университете.

Отвечая на письмо-приглашение, Соханская дала понять, что она до деталей помнит посвященную ей статью Де-Пуле в «Русском слове»,¹⁰ где в то время сотрудничал критик (в этом же журнале весной 1860 г. была напечатана повесть Кохановской «Гайка», первая, неудачная, публикация которой в журнале «Пантеон» в 1856 г. осталась незавершенной в связи с прекращением издания). В письме к И. С. Аксакову от 24–25 июня 1860 г. Соханская с иронией замечает: «Де-Пуле, назвавший меня в прошлом году “возлюбленным детищем Гилярова”¹¹ и вообще как-то затаенно-неприятно относившийся обо мне в своем разборе, после “Гайки” (которая вообще принята как новое произведение) — вот на днях рекомендовался мне плохим критиком и усердным почитателем моего бесподобного таланта, что будто бы он — надежда... и пр. и пр. <...> чем больше я начинаю слышать этих литературных

⁸ См.: Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская): Биогр. очерк. СПб., 1909; Викторovic В. А. Уроки одной судьбы // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 110–112.

⁹ См.: Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Семья Аксаковых*.

¹⁰ Де-Пуле М. Ф. О повестях г-жи Кохановской (И. А. Придорогину) // Русское слово. 1859. Дек. Отд. II: Критика. С. 1–36.

¹¹ Подразумевается статья Н. П. Гилярова-Платонова «О повести г-жи Кохановской: “Из провинциальной галереи портретов”» (Русская беседа. 1859. Кн. III. С. 65–68; подп.: Н. Г—в). Полемизируя с Гиляровым, Де-Пуле отметил, что его отзыв о Кохановской «отличается каким-то лелеющим характером и до *non plus ultra* отеческим отношением к автору, как к нежно любимому детищу» (Русское слово. 1859. Дек. Отд. II. С. 29).

цукеров,¹² тем дороже мне становятся Ваши славянофильски-прямые слова дорогих советов и указаний».¹³

К этому времени она успела прочитать и еще одну статью Де-Пуле¹⁴ с упоминанием о себе в качестве истолковательницы пушкинской поэзии, «оказавшей несомненную услугу русской критике» своей статьей «Степной цветок на могилу Пушкина». Вместе с этой скупой похвалой, однако, ей пришлось прочесть и поясняющее примечание: «Но г-жа Кохановская в своих объяснениях *пушкинского букета* пошла дальше: она придает лире Пушкина какое-то пророческое, поучающее значение, “чего в самом деле не было и что, впрочем, вовсе нейдет к делу”, как справедливо заметил ей редактор одного из петербургских журналов».¹⁵ Тем удивительнее показалось ей приглашение в сборник.

В 1860 г. Соханская была занята трудом фольклористики. Вдохновленная публикациями из собрания П. В. Киреевского, она захотела обнародовать собственные записи, сделанные главным образом с голоса тетушки, К. Г. Лохвицкой. Две большие подборки редких песен (сама она придерживалась написания: «песень», одобренного и К. С. Аксаковым) были подготовлены ей для последних выпусков «Русской беседы».¹⁶ Именно этот труд Соханская подразумевала, мотивируя в первом письме к Де-Пуле невозможность ответить согласием на его предложение. Однако вскоре ее намерение переменялось, она решила передать в сборник тот материал, который в июне 1860 г. предлагала К. С. Аксакову.¹⁷ Статья «Сличение нескольких русских песень»¹⁸ выросла из раздумий над одним из текстов из собрания П. И. Якушкина,

¹² Игра слов: цукер — от нем. Zucker, сахар; и «цукать»: ругать, одергивать (первоначально: резко останавливать лошадь). В обиходе военных и других закрытых мужских учебных заведений слово обозначало специфическое «воспитание» младших старшими (здесь уже не «цукать на кого-то», а «цукать кого-то»); Соханская могла знать это от братьев, учившихся в кадетских корпусах. Важны оба смысла: Соханская возмущена тем, что Де-Пуле сперва «цукает» на нее в своей статье, а потом выступает «цукером», расточителем сладких комплиментов.

¹³ *Семья Аксаковых*. С. 101—102.

¹⁴ *Де-Пуле М.* Стихотворения Ивана Никитина. С.-Петербург. 1859 г. В типографии Карла Вульфа. IX. 152 // Русское слово. 1860. Апр. Отд. II. С. 1—22.

¹⁵ Там же. С. 3. «Редактор одного из петербургских журналов» — это А. В. Дружинин, отвергнувший присланную в «Библиотеку для чтения» статью Кохановской. С ответа ему начинается вариант той же статьи, изданный в 1859 г. «Русской беседой» (Кн. V. Отд. III. С. 11—84; отд. отт.: М., 1859).

¹⁶ Несколько русских песень // Русская беседа. 1860. Кн. I. С. 91—132; Остатки боярских песень // Там же. Кн. II. С. 71—142.

¹⁷ «Не хотите ли Вы поступить так: чтобы я прислала Вам эту песню, а Вы делаете заметку на нее и напечатаете, или же — если эта мелочь не нужна Беседе, то я сама напишу кое-что о песне и пошлю в “Русское Слово” или куда-нибудь» (*Семья Аксаковых*. С. 98; письмо от 7 июня 1860 г.).

¹⁸ Воронежская беседа на 1861-й год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861. С. 381—400. (Здесь — в традиционной орфографии: «Сличение нескольких русских песень».)

над песней о Ваньке Ключнике, «первообраз» которой Кохановская ставит себе задачей отыскать.¹⁹ Статья была выделена в рецензии А. А. Котляревского,²⁰ обратил на нее внимание и Л. М. Жемчужников,²¹ выразивший удивление, с какою «теплотою» *женщина* занимается изучением народа и «подает свой голос в *громаде*»,²² но подвергший сомнению гипотезы автора статьи, касающиеся происхождения некоторых песен, и ее воззрение (разделяемое и Де-Пуле) об упадке современной народной поэзии.

Интересно, что статью для «Воронежской беседы» Кохановская не включила в составленный ею в конце 1861 г. план своего собрания сочинений, предложенный П. А. Плетневу, упомянув там лишь две статьи «о песнях».²³

В «Воронежской беседе» могло быть напечатано еще одно произведение Кохановской — рассказ «Тетушкино Евангелие», позднее опубликованный И. С. Аксаковым под названием «Давняя встреча»²⁴ (он вошел и в изданный им же в 1863 г. двухтомник «Повести Кохановской»). История этой несостоявшейся публикации²⁵ также раскрывается в письмах к Де-Пуле. Но этот материал имеет значение лишь как неизвестная страница из жизни забытой писательницы. Гораздо интереснее в письмах другое — высказанные ею оценки положения дел в литературе, реакция на сообщенные эпистолярным собеседником впечатления от поездки «в столицы» (Кохановской такая поездка тоже предстоит — в 1862 г.), среди которых главными были какие-то неприятные для Де-Пуле соприкосновения с крупнейшими писателями — Тургеневым, Писемским, Гончаровым,²⁶ а также формулировка собственных литературных задач (сохранение в художественном слове нашей *старины*).

Публикуемые письма немало нового сообщают и о присутствующем лишь «за кадром» собеседнике, о переживаемом им кризисе. Все-

¹⁹ См. подробнее в нашем комментарии: *Семья Аксаковых*. С. 410.

²⁰ А. К. <Котляревский А. А.> Воронежская Беседа на 1861 год, изд. Де-Пуле и П. Глотова <...> Воронежский Литературный Сборник, вып. 1-й <...> // Московские ведомости. 1861. 30 нояб. № 263. С. 2130—2131.

²¹ Жемчужников Л. Несколько замечаний по поводу народных песен // Основва. 1862. Февр. С. 87—100.

²² Там же. С. 90.

²³ РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 114 об. П. А. Плетнев был литературным наставником Соханской. См.: Пономарев С. И. П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская) (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 469—479.

²⁴ День. 1862. 24 февр. № 20. С. 1—5; 3 марта. № 21. С. 2—5. Отзывы И. С. и В. С. Аксаковых об этом произведении см.: *Семья Аксаковых*. С. 442.

²⁵ Формально она не осуществилась из-за слишком большого объема текста и задержки его присылки, но не исключено, что составители усмотрели в произведении чуждую им «тенденцию».

²⁶ Каждому из них в свое время критик посвятил статью.

го лишь одно предложение из письма от 30 октября 1864 г. с упоминанием об «Иване Сергеевиче» (Аксакове) по-новому осветило такой важный эпизод в жизни Де-Пуле, как его переход на службу в Вильно. Как выяснилось, это было устроено по предложению именно Аксакова. Де-Пуле сотрудничал в «Русской беседе» и «Дне» и с редактором состоял в переписке. В 1864 г. он сообщил Ивану Сергеевичу о своих бедствиях: отстранении от редактирования неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей», об упразднении в кадетском корпусе занимаемой им должности помощника инспектора (Де-Пуле остался там просто учителем), а значит — о больших финансовых потерях. Аксаков осыпал своего корреспондента предложениями — от редактирования «Дня» до учительских, инспекторских и даже директорских должностей в гимназиях Северо-Западного края (искать желающих там служить его просил попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов). Де-Пуле выбрал Вильно как самый крупный культурный центр, имеющий к тому же хорошее железнодорожное сообщение с Москвой.²⁷

Участники публикуемого эпистолярного диалога принадлежали к одному поколению. Их молодость пришлась на Сороковые годы с присущим этому периоду идеализмом, а время творческого цветения — на годы после катастрофы Крымской войны и смятенную эпоху «великих реформ». Жизненные итоги позволяют назвать обоих корреспондентов «литературными изгнанниками», по знаменитому определению В. В. Розанова. Для объемного и объективного знания о прошлом важно иметь представление о том, как жили и о чем думали те, кто выбрал для себя путь «против течения».

Переписка была начата, напомним, Де-Пуле и прервана им же: на последнее письмо Соханской ответа, по-видимому, не последовало. В Макаровке хранилось только 15 писем Де-Пуле, самое позднее из которых было датировано 1865 г.

Тексты печатаются по автографам (РО ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 573) с сохранением особенностей авторской орфографии («укащик», «сво-яченья» вместо «сво-яченица» и т. п.). Не унифицировано написание названий периодических изданий, не отличавшееся в письмах Соханской какой-либо последовательностью.

²⁷ Переписка Аксакова и Де-Пуле сохранилась не в полном виде, однако этот эпизод реконструируется по письмам 1864 г. достаточно обстоятельно. См. ниже Приложение.

14 июня 1860 г.

Милостивый Государь
Михаил Федорович!

Я сегодня получила Ваше письмо и, по крайней мере, в немедленном ответе ищу не отказать Вам. Ваше желание иметь мою статью в Воронежском Сборнике я, к сожалению, не в состоянии исполнить. И верьте, что это *сожаление* вовсе не фраза. Я слишком глухая провинциалка и слишком люблю свою глушь, чтобы могла живо не сочувствовать проблескам самостоятельной умственной деятельности провинции. Но готового у меня ничего нет; а к осени я обязана статьею о «Песнях» Русской Беседе¹ и к тому еще вот другой год на мне лежит обещание От<ечественным> Зап<искам> больших статей в «Старине». ² Я потому вхожу в эти подробности, чтобы Вы приняли мой отказ за истинную невозможность исполнить, а не за что-либо другое.

Мне очень приятно Ваше совершенно неожиданное знакомство — знакомство с моим не совсем благорасположенным критиком, которого статьи я всегда читаю первые в полученном журнале. Вам не нравится всепримиряющий тон моих пиес...³ И прекрасно, что Вам не нравится и что Вы высказываете критически Ваше нерасположение. Чем больше самостоятельных мнений в круговом обращении литературы, тем лучше. Только мне кажется, что Вы немножко напрасно беспокоитесь о пагубном влиянии моего умиряющего тона на некоторую часть публики. Во-первых, та публика, на которую указываете Вы — публика, восхищающаяся *свистопляской*,⁴ не заглянет в мои маленькие произведения: ей там восхищаться нечем; а наше молодое поколение, несчастно настроенное пустозвонным славянофильством (как говорите Вы), имеет у себя столько учителей и менторов, что за их наставническими возгласами может ли быть услышан слабый голос женщины, которая совершенно не думает ни о какой общественно-учительной роли — по слову Апостольскому: «что жене в церкви учить не подобает». ⁵ Что делать? На литературный вкус, как и на всякой другой, не может быть укащика. Напр<имер>: я не выношу даже и не в литературе — как бы это сказать подобием? — не выношу ямщицкой езды с беспрестанными покрикиваниями, с неугомонным маханьем кнута над головами лошадей, везущих и не телегу жизни....⁶ Извините за сравнение. Я вчера только довольно поздно воротилась из очень приятной поездки без крика, без ямских понуканий, и впечатление ровной широкой дороги зелеными тенями и промежутками рослых хлебов с могучим переливом их зеленой волны — все это еще очень живо во мне.

Да; я искренно жалею, что не могу служить Вам; но я заранее подписываюсь на Ваш «Сборник», и позвольте мне с литературной любез-

ностью пожать ту руку, которая трудилась писать на меня Вашу критику.

Надежда Соханская

14 июня, 1860.

Макаровка.

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / де-Пуле

Почт. штемпель: Изюм. 21 июня 1860. Воронеж. 30 июня 1860. Помета адресата: Полу<чил> 1 июля.

¹ Готовить для «Русской беседы» публикацию «боярских» и других старинных народных песен Соханская начала осенью 1859 г. Сообщая ей о прекращении этого издания как *журнала*, но о планах издать еще несколько выпусков уже в виде сборников, И. С. Аксаков просил Надежду Степановну не передавать «статьи о песнях» «ни в какой другой журнал». К началу декабря была уже почти готова, а 2 февр. послана в Москву первая статья («Несколько русских песен»). В январе И. Аксаков отправился в заграничное путешествие, и дела с Соханской вел К. Аксаков, с которым у писательницы именно вокруг народных песен завязалась серьезная полемика. О том, что «Беседа прекращается совершенно», И. Аксаков сообщит в Макаровку 8 окт. (н. ст.) 1860 г. См.: *Семья Аксаковых*. С. 56, 62, 68, 69–86, 90–100, 103; *Фетисенко О. Л.* «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // *Христианское чтение*. 2017. № 3. С. 232–252.

² «Старина. Семейная память» — незавершенная документальная хроника Кохановской, впервые опубликованная в «Отечественных записках» (1862. № 3. С. 209–246; № 4. С. 355–390), по выражению самой писательницы: «...целый том семейных преданий, которых у нас бездна от пра-прабабушек и прадедушек» (*Семья Аксаковых*. С. 101). Шестая глава опубликована посмертно С. И. Пономаревым (*Русское обозрение*. 1898. Янв. С. 241–276). Первые три главы были написаны еще в 1855 г. и прочитаны П. А. Плетневым, который хотел напечатать их в некрасовско-панаевском «Современнике». Кохановская успела рассказать о «старине Лохвицкой», т. е. об истории материнского рода, ненаписанными остались главы о старине «Алисовской» (девичья фамилия одной из ее бабушек) и «Соханской». «Старина моя так разрастается в своих очертаньях, что ее должно стать на большое довольно число глав. Это идет старина Лохвицкая и будет ее глав до десяти; а потом выступит старина Алисовская и едва ли будет менее. Я сама не знала и никак не полагала вначале, чтобы это могло принять такие не маленькие размеры» (письмо к П. А. Плетневу от 16 апр. 1855 г.; РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 84 об.). В апр. 1860 г. Кохановская уже называет хронику «несносная Старина» и говорит о своем желании бросить эту «ломовую» работу: «Ничего свободного, высказывающегося из души; а нужно подбирать малейшие крохи, приспособлять их, ладить частицы мертвого тела и вспрыскивать их трудно достающейся живою водой» (*Семья Аксаковых*. С. 85). Вскоре после письма к Де-Пуле она сообщила И. Аксакову: «Я бросила “Старину” <...>. И в самом деле, заниматься кропотливым подбором старого хлама, когда вокруг всё свежо и зеленеет, цветы цветут, и едва усидишь за работою, не порываясь в сад! К “Старине” я возвращусь по осени, когда Бог даст, но теперь мало того, что не хочу; но я решительно не могу» (Там же. С. 101). Отношения писательницы с издателем «Отечественных записок» А. А. Краевским имели давнюю историю и были столь сложными, что их характеристика слишком увела бы нас в сторону.

³ Искренне восхищаясь дарованием писательницы, Де-Пуле, однако, «журил» ее за излишнюю «поэтизацию» старого быта (Русское слово. 1859. Дек. Отд. II. С. 20, 26, 32 и др.). Вот один из примеров (по поводу повести «Из провинциальной галереи портретов»): «Г-жа Кохановская совершенно пристрастно подошла к жизни, которую она намеревалась изобразить, подошла с заранее задуманною, нежно любимую мыслию — *идею безусловного совершенства, даже прелести нашей старинной жизни...*» (Там же. С. 28). О «всепримиряющем тоне» произведений Кохановской писал не только Де-Пуле. Если для славянофилов и критиков консервативного лагеря именно это свойство писательницы служило главным достоинством (ср., например: В. В. Зотов в рецензии на первую публикацию «Гайки» подчеркивал, что производимое повестью «светлое, чистое, отрадное впечатление» резко отличается его «от произведений нашей современной поэзии» (Сын отечества. 1856. 28 окт. № 30. С. 73; б. п.), то для П. В. Анненкова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других эта «положительность» и примиряющий тон снижали ценность творчества Кохановской.

⁴ С 1859 г. выходил «Свисток», сатирическое приложение к журналу «Современник». С его появлением понятие «свиста» стало ассоциироваться в критике и публицистике с наиболее острой сатирой, литературной провокацией и даже просто травлей (ср.: в статье М. Н. Каткова, напечатанной без подписи, «Наш язык и что такое свистуны» (Русский вестник. 1861. Т. 32, март. Отд.: Литературное обозрение и заметки. С. 1—37) различаются «юмор» как «явление честное» и неприемлемый «свист», сопряженный с поруганием личности). Ф. М. Достоевский различал «свист» правдоискателей, к которому часто прибегал и сам (ср. подзаголовок в названии его статьи «Щекотливый вопрос»: «Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями»), и «хлебный свист» как прием продажных журналистов; допустимым литературным приемом считал в 1860-е гг. «свист» Н. Н. Страхов (см. его статью «Нечто о полемике»).

⁵ Парафраз слов ап. Павла: «Жены ваша в церквах да молчат: не повелесе бо им глаголати, но повиноватися, якоже и закон глаголет» (1 Кор. 14: 34).

⁶ «Телега жизни» — название стихотворения А. С. Пушкина (1823).

2

12 сентября 1860 г.

Мне так хотелось бы участвовать в провинциальном Сборнике, издаваемом Вами, что я вот решаюсь послать эту маленькую статью.¹ Она не без интереса при нынешнем уважении к интересам народа. Но если Вы не имеете нужды в подобных статьях и «Воронежский Сборник» достаточно снабжен ими, то прошу Вас возвратить мне рукопись.

Кохановская

Макаровка, 12 сентября
1860.

¹ Имеется в виду статья «Сличение нескольких русских песен». См. во вступ. статье.

3
1 ноября 1860 г.

1 ноября, 1860
Макаровка.

Милостивый Государь
Михаил Федорович!

Я получила одно Ваше письмо, уезжая в Харьков, а другое вот противившись... Семейное горестное обстоятельство — потеря последнего брата¹ — едва дает мне силу и возможность через месяц с лишком возвратиться к моим литературным занятиям. Что мне сказать Вам? Литературная мысль как-то тут и затеряна и не очень ладится к слову; но я все-таки довольна не мало, если моя статья не совсем безделкою и пустяком показывается для Воронежского Сборника. На многое мне следует отвечать Вам... И во-первых: позвольте просить Вас несколько внимательнее заглянуть в мое <письмо> и увидеть там, что мое выражение о «ямщицкой езде с кнутом и беспрестанными покрикиваниями»² может относиться вообще к отрицательному направлению бичующей нас литературы, а не собственно к Вам и тем менее к Вашему письму. Я потому именно и не извиняюсь в жесткости моего выражения, что оно литературно-общее, а никак не частное. Далее без фразы могу сказать, что очень приятно встретить в Вас Харьковца³ и благодарю Вас со всюю искренностью простого слова, что Вы поделились со мною Вашими столичными впечатлениями. Неужели они так безнадежно-грустны? Стало: хорошо, что я в своей глуши никогда не возносила мыслью к столичным светилам и никогда не думала полагать в них завета моих скромных упований. Но однако же — скажите, пожалуйста, не думая утомить меня Вашими объяснениями, — что Вы называете «паясничаньем» Тургенева по указаниям Современника?⁴ Я не спрашиваю много о Гончарове и тем менее о Писемском, который грех сказать, чтобы был для меня чем-либо;⁵ но кого Вы видели из Славянофилов? Что это за «Московская грязь», стало, довольно тучная и не без силы в себе, если она помогла образоваться русской закуске Славянофильства? Вообще, если Вы начали, то Вам и следует обстоятельнее ознакомить меня с Вашими литературными впечатлениями обеих столиц. С своей стороны я могу заверить Вас в вещи самой естественной: что я любопытна как женщина. Но далее поговоримте о другом. — В моих старинных тетрадях нашелся небольшой рассказец,⁶ который если поновить и несколько заняться им, то он может выйти не до конца плохим. Как Вы сочтете — не излишним его для Вашего Сборника? Но прошу Вас заметить, что я положительно не обещаю (я дала себе слово не делать никаких литературных обещаний); я несу на себе гнет обещанной «Старины» Отчественным⁷ Запискам и если могу чем-либо другим заняться, то никак не прежде половины декабря.⁷ А ваш Сборник когда выходит и что в нем будет Вашего,⁸ позволь-

те любопытно спросить. О Дм<итрии> Фед<оровиче> *Запаре*⁹ скажу Вам, что я не знаю его лично; но знаю то, что он женат на Тихоцкой; житейски достаточно счастлив, покупает имения, острит с малороссийским юмором; но на днях я полагаю видиться с его свояченией <так!>, которая в замужестве у нас по соседству. Я хорошенько порасспрошу ее и передам Вам с готовностью и удовольствием то, что будет передано мне. Извините, что я о многом интересном не говорю в Вашем письме... Что касается условий по напечатанию моей статьи — право, не знаю. Если издатель человек состоятельный, со средствами, пусть будет сто рублей сер<ебром>; а если нет, и суда нет: что может, то и заплатит. Прощайте. Благодарю Вас за простой, нецеремонный тон ваших писем и, хотя я вообще не большая любительница повторений, но опять скажу: что знакомство с Вами по литературе — очень приятное знакомство.

Над. Соханская

¹ У Соханской было двое братьев — Петр и Павел. Любимый младший брат скончался во время Венгерского похода 1849 г., причем семья почти год не получала об этом известий. *Петр Степанович Соханский* (ок. 1820—1860), служивший чиновником, умер после тяжелой болезни — осложнений хронического ревматизма, поразившего все суставы. 30 марта 1872 г. Соханская писала С. И. Погодиной (вдове М. П. Погодина): «Покойный мой брат в самой поре мужества умер от страшных страданий во всех составах...» (ОР РГБ, ф. 231/II, карт. 31, ед. хр. 5, л. 2). См. также: *Семья Аксаковых*. С. 300.

² См. п. 1.

³ Де-Пуле в 1846 г. окончил словесное отделение философского факультета Харьковского университета. Соханская радовалась, узнав об этом, потому, что и сама получила образование в том же городе: в 1840 г. кончила с первым шифром курс в Харьковском институте благородных девиц.

⁴ О следовании Тургенева «указаниям Современника» в 1860 г. говорить не приходится, потому что именно в этом году писатель порвал отношения с этим журналом. Об изменении отношения самого Де-Пуле к Тургеневу может свидетельствовать его статья «Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева» (Время. 1861. № 2).

⁵ Возможно, в этом беглом отзыве об А. Ф. Писемском косвенно сказалось влияние на Соханскую московских славянофилов. Ср.: в письме от 12 июля 1859 г., отговаривая Надежду Степановну от сотрудничества в петербургских журналах, И. Аксаков, в частности, так характеризовал «Библиотеку для чтения»: «...журнал плохой, бесцветный, нравственно дряблый, и редактором — Писемский, которому лучшею рекомендацией служит создание Калиновича в романе Тысяча Душ» (*Семья Аксаковых*. С. 43). Тот же роман в письме Аксакова к Де-Пуле от 29 марта 1859 г. охарактеризован как гнусный, а по поводу его автора выражено мнение, что «Писемский — авторитет, на которого восставать у нас просто не смеют» (РО ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 105, л. 1).

⁶ Рассказ «Тетушкино Евангелие» (в окончательной редакции: «Давняя встреча», см. во вступ. статье) вырос из эпизода ранней незавершенной повести «Имение при большой дороге» (1844—1845).

⁷ См. примеч. 2 к п. 1. Работа несколько задержалась, и рукопись (5 глав) была послана Краевскому только 10 янв. 1861 г. (ОР РНБ, ф. 391, ед. хр. 726, л. 1).

⁸ Де-Пуле поместил в «Воронежской беседе...» статьи о М. М. Петрове и А. В. Кольцове.

⁹ *Дмитрий Федорович Запара* (1826–1865) — помещик Изюмского уезда, где жила и Соханская; выпускник юридического факультета Харьковского университета (1845); в конце 1840-х гг. служил в Изюмском уездном суде, в 1850-х гг. занялся овцеводством; гласный Харьковского губернского земского собрания (с 1864 г.); помещал статьи в «Основе», газ. «Голос», «Земледельческой газете», «Санкт-Петербургских ведомостях». Де-Пуле впоследствии писал о нем в мемуарном очерке «Харьковский университет и Д. И. Каченовский. Культурный очерк и воспоминания из 40-х годов», приводя своего покойного однокашника в пример «одного из таких малороссийских Обломовых», каких было много среди харьковских студентов 1840-х гг.: несмотря на блестящее образование и способности, «они во всю жизнь не брали пера в руки, редко показывались в города и дальше Харькова почти никуда не отправлялись...». «Но зато их знал целый околотов как отличных и гуманных помещиков, как образованнейших людей, много читающих, много делающих и для крестьян, и для рационального усовершенствования хозяйства; без метафор, из таких хуторов, где, по-видимому, прозябали эти сидни, широкими потоками лилось просвещение на обширное пространство»; «Запара <...> так и просился в чумаки или бандуристы. Отлично подготовленный и постоянно занимающийся, он, будучи студентом, старался разыгрывать перед профессорами роль пустого юноши, что вполне ему удавалось» (Вестник Европы. 1874. Янв. С. 80–81). Запара, свободно читавший на пяти иностранных языках, отчего-то считал постыдным кончить курс кандидатом и «добился» звания действительного студента на словесном отделении. Де-Пуле вспоминал, что Запара был любимцем всех студентов, хотя мало кто из них догадывался, сколько в нем было «даровитости, энергии, глубины мысли и чувства» (Там же. С. 81), а далее сообщал о его предпринимательских успехах и большой помощи крестьянам (Там же. С. 82).

4

27 декабря 1860 — 2 января 1861 г.

27 декабря 1860.

Праздники — и поздравляя Вас с ними, Михаил Федорович, я сажусь отвечать на Ваше последнее письмо. Вы, вероятно, освободите меня от формальных пожеланий Вам веселиться и пр. и пр. — и потону, минуя веселости, я прямо перехожу к вашим грустным впечатлениям, которые вынесли Вы из посещения наших столиц. Я читала их с самым живым любопытством и благодарю Вас, что вы нашли минуту времени рассказать о них. Все мы, благородно-простодушные провинциалы, если не находимся, то находились под обаянием этих славных бубен за горами. Если мне удалось избежать этой общей нам заразы, то едва ли не потому, что я очень давно так или иначе имела свои сношения с этими столичными провозвестниками высоких истин,¹ благородства стремлений, чистоты их литературных побуждений, которые провозвестники не находили нужды церемониться с провинциалкою,

державною относиться к ним и, говоря о высокой честности,² в то же время поступали со мною самым бесчестно-литературным образом. Вы хотите знать, что мне заплатила редакция Русского Слова из того долга 2500 р.,³ которые вы видели на счету? Едва одну тысячу и ту в два приема и с передержками. Я привыкла к этому. Мне и вовсе не платили, и обещали много платить, а когда наступало время уплаты, думали было играть со мною в старую гусарскую вербунку,⁴ гремя передо мною кошельком и подсказывая: «вот запишитесь в наш полк, мы вам тогда и денежки заплатим». Я написала этим господам, что меня купить нельзя и что я за их денежки не продам того, что я называю своим достоинством. Теперь, как и с самого начала, у меня простое принятое правило: самой стараться поступать правильно и благородно; а как эти господа поступят со мною, это их дело. Недавно вот г. Краевский, забрасывая удочку новым и старым подписчикам, публиковал имена лиц, которые труды *обеспечены* для его редакции, в том числе упомянул и мое литературное имя.⁵ «Русское Слово», в его благородном соболезновании, постаралось пояснить грустный смысл этого *обеспечения*, сожалея, что и такие литературные личности, как г. Костомаров, допускают *обеспечивать* себя.⁶ Не знаю, как другие, но мое обеспечение состояло и состоит в том: что два года назад я обещала г. Краевскому поместить в его журнале «Старину», когда напишу ее.⁷ Конечно, данное слово, это самое верное литературное обеспечение — но его ли имел в виду г. Краевский, обращаясь к своим подписчикам? Что прикажете делать со всем этим? Писать протесты, заваривать литературную кашу, как заварил ее госпожа Ев<гения> Тур с Русским Вестником?⁸ Лучше всего махнуть рукою и идти своей дорогою. Но однако же новосудная комиссия «Русского Слова» не изволит ли в одно и то же время надувать своего патрона и обкрадывать нас? Если Вы видели долговую книгу журнала, стало, это не тайна, а деловая официальность журнала. Не может же граф Кушелев,⁹ издатель и редактор Русского Слова, объявить себя литературным банкротом и за рубль давать сотрудникам менее чем пятьдесят копеек? Для кого другого, но для графа Кушелева-Безбородко, столько раз публиковавшего на всю Россию, что он знает высокую цену умственных трудов и издает журнал вовсе не из коммерческих видов,¹⁰ — для графа Кушелева это было бы уже слишком бесчестно. Если долг признан и занесен в шнуровую книгу журнала, стало, он официально представлен графу — и не выходит ли оно так: что деньги в одно и то же время берутся у графа и не выдаются нам? Право, об этом не мешало бы похлопотать и разузнать настоящее дело. Мы, величаемые сотрудники, вероятно, не такие богатые люди, чтобы издание графа Кушелева могло учитывать нас больше, чем на половину.

Но это письмо приходится кончать мне уже в Новом Годе и кончать неприятным для меня уведомлением, что я, несмотря на желание и старание, не могу прислать вам своего рассказа.¹¹ Когда я приступила

к нему, он новоразросся, потребовал совершенного пересоздания и за тем досуга и времени, а ни то, ни другое не далось мне — о чем спешу уведомить Вас, чтобы не задерживать, так или иначе, вашего издания. А с Новым Годом все-таки следует поздравить Вас, если не в начале, то хотя в конце письма, и пожелать Вам всего того, на что богаты бывают новогодние поздравления. «На счастье! на здоровье!» — вчера деревенские дети приговаривали мне, обсыпая хлебным зерном, — позвольте и Вам сказать то же самое: чтобы наступивший год был на счастье, на здоровье Вам!

2 января 1861.

Макаровка.

Надежда Соханская

P. S. Потрудитесь меня познакомить с личностью Вашего издателя Воронежского Сборника,¹² и, если для него всё равно, что платить прежде, что после выхода Сборника, то пусть бы мне выслали теперь, что следует.

<Адрес:> Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / де-Пуле. / В Воронеж

¹ Соханская вспоминает здесь первый период своей литературной деятельности, когда ее рукописи терялись в редакциях журналов и газет, печатались без уведомления автора и без всякого намека на гонорар и т. д.

² Соханская в своей речи, как многие, часто прибегала к цитатам из «Горе от ума», в том числе и к этим словам Репетилова: «Когда ж о честности высокой говорит...»

³ В «Русском слове» (1860. Апр. С. 119—284) была напечатана повесть Кохановской «Гайка».

⁴ Здесь в значении: несбыточные посулы. *Вербунками* называли песни вербовщиков, заманивавших молодых людей в свои полки, суля им все блага (ту же этимологию имеет название венгерского мужского танца «вербункош»).

⁵ Имеется в виду объявление об издании «Отечественных записок» в 1861 г. Упомянута Кохановская и в объявлении об издании «Русского слова» (1860. Окт. С. I).

⁶ По-видимому, Соханская пересказывает письмо к ней Г. А. Кушелева-Безбородко или Г. Е. Благовестлова.

⁷ См. примеч. 1. к п. 2 и примеч. 7 к п. 3.

⁸ Имеется в виду крупный литературный скандал 1860 г., связанный с переходом части авторов «Русского вестника» в основываемую графиней Е. В. Салиас де Турнемир газету «Русская речь». На высказанное на страницах «Русского вестника» обвинение в переманивании «гонимых писателей» гр. Салиас (Евг. Тур) ответила открытым письмом (Московские ведомости. 1860. 19 нояб. № 252. С. 2000). О заочном знакомстве Кохановской и Евг. Тур см.: *Семья Аксаковых*. С. 372, 396.

⁹ Граф *Григорий Александрович Кушелёв-Безбородко* (1832—1870) — литератор, меценат, в 1859—1862 гг. издатель журнала «Русское слово».

¹⁰ См. Объявление об издании журнала «Русское слово» в 1859 г.

¹¹ См. примеч. 6 к п. 3.

¹² Издателем сборника был *Петр Петрович Глотов* (1827—1888), преподаватель (с 1852 г.), а впоследствии (1863—1867) инспектор Воронежского Михайлов-

ского кадетского корпуса; с 1867 г. директор Полоцкой военной гимназии, с 1875 г., в звании генерал-майора, — директор Воронежской военной гимназии.

5

28 февраля 1861 г.

28 февраля 1861.

Макаровка.

Я сейчас отвечала П. П. Глову и еще под влиянием досады на нашу почтовую контору, ровно в месяц доставившую письмо и деньги,¹ — я сажусь писать к Вам, и знаете ли, что частичку этой досады немножко хочется излить на Вашу голову, Михаил Федорович! Не напиши Вы мне, что мой рассказ должен поспеть, как блин, к 10 генваря, я бы понемножку работала над ним и теперь, может быть, в добрый час он бы и был готов.² Но к сроку 10 генв<аря> я не могла и думать его кончить и, как водится, вовсе отложила думу о нем. Потом мне предстояла большая поездка в Харь<ов>,³ потом я болела, а теперь мне вовсе *не пишется*, а Вы ждете рассказа. И, право, Вы напрасно много интересуетесь им — скажите это П. П. Глову. Он не яркий; большинство публики ничего не найдет в нем. Вещь — как бы это сказать? не объективная, а вполне субъективная, касающаяся души — я говорю о себе и притом истину — много ли здесь будет занимательного для публики? Я вышлю рассказ^а на Ваше имя, почти с уверенностью, что Вы примете во внимание мои слова и издатель Глов найдет благо-разумным отказаться — право так. Затем Вы много нападаете на меня за мою будто бы страсть к археологии. Говорите, что другие легко могут сделать то, над чем работаю я. Не знаю, повторите ли Вы Ваши слова, прочитавши пять глав моей «Старины». А моя приверженность к Археологии, как говорите Вы, вся именно заключается в том, что я чувствую себя обязанною — призванною сделать то, чего другие не в состоянии сделать: не потому, чтобы на то не ставало их, а у них нет тех богатых материалов Старины, живых семейных преданий, которыми я богата и которые я боюсь утратить со смертью своих старушек, матушки и тетушки.⁴ Умри они, и могу смело сказать: последняя нить, связывающая наше поколение с живою памятью дедов, оборвется; а ведь мы настолько выросли, чтобы уметь дорожить этою нитью.

Далее — что значитдохнуть столичным воздухом! Вам уже густа, до невозможности дышать, показывается ваша губернская атмосфера. В утешение Вам можно немножко напомнить, что есть люди, которые живут хуторскою степью, — что, если бы и они еще поднялись роптать? И только ропот! и всё ропот! Когда же наши ропчущие сердца скажут высокое слово мира и благословения! И знаете ли, Михаил Федорович, мне сдается, что они тогда скажут это слово, когда перестанут

^а Вписано над зачеркнутым: его.

искать спасения своему Израилю⁵ в ком-либо другом, и поищут и глубоко найдут его в себе самих. «Се бо царствие Божие внутрь вас есть»,⁶ сказано высокое благовествовательное слово... А Вы, пожалуйста, извините меня, что я замедлила ответом, и однажды навсегда будьте уверены, что меня нельзя оскорбить мелочным несоблюдением какой-нибудь китайской церемонии — для этого я слишком проста по-деревенски и вовсе не притязательна на мелочи. А какую потерю понесли те люди, к которым я в своем хуторке обращаюсь моими лучшими душевными симпатиями. Хомяков и Аксаков, Константин Сергеевич!⁷ Читали ли Вы в Русской Беседе статью Гилярова о судьбе «Убежденных» у нас на Руси?⁸ Я душой приняла эту статью. Хотя так же горько, если еще не горьче, открывать таким образом глубокий смысл преждевременной кончины наших лучших людей — но всё же лучше *смысл*, нежели эта черная казавшаяся бессмыслица, которая поражала нас... Да, однако же позвольте вас поздравить. Наконец ваша «Воронежская Беседа» должна уже увидеть свет Божий... Для кого вы издаете ее? — вот вопрос. Мне кажется, что г. Готов будет в чистейшем убытке. И вообще-то у нас книг мало читают (журналы другое дело), но провинциальную книгу в столицах едва ли станут читать; а в провинциях у нас прочесть-то бы еще прочли, да кто покупать станет? И мне, право, тем совестнее, что вы добываетесь моего рассказа. Издатель наложит деньги и сведет ли он еще концы с концами. Вышлите мне экземпляр — и позвольте раскланяться с Вами до будущего листка.

Н. Соханская

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де-Пуле.

¹ Имеется в виду гонорар за статью «Сличение нескольких русских песен».

² Рассказ не мог быть окончен в этот срок, потому что Кохановская была занята переделками другого произведения — хроники «Старина» для «Отечественных записок».

³ Поездка началась не ранее 16 янв. (как о предстоящей сообщает о ней Соханская в письме к А. В. Плетневой от 15 янв. 1861 г.; РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 162, л. 63).

⁴ Соханская (урожд. Лохвицкая) Варвара Григорьевна (ок. 1790—1873) и Лохвицкая Капитолина Григорьевна (1780-е — 1790-е — 1866).

⁵ Парафраз молитвы св. Симеона Богоприимца «Ныне отпускаеши...»: «Яко видеста очи мои спасение Твое <...> свет во откровение языков и славу людей Твоих, Израйля» (Лк. 2: 30, 32).

⁶ Лк. 17: 20.

⁷ А. С. Хомяков скончался 23 сент., К. С. Аксаков — 7 дек. 1860 г.

⁸ Имеется в виду статья Н. П. Гилярова-Платонова «О судьбе убеждений. По поводу смерти А. С. Хомякова» (Русская беседа. 1860. Кн. II. Отд.: В память об Алексее Степановиче Хомякове. С. 61—88; подп.: Н. Г.—в) — собственно, это его речь, произнесенная на заседании Общества любителей российской словесности 6 нояб. 1860 г.

6

7 марта 1861 г.

Посылаю Вам, так давно ожидаемый, рассказ. Вы сами увидите, что я права, говоря, что подобной вещицей не зазовешь читателей. Но если г. Готов не примет во внимание моего откровенного мнения и захочет печатать, то вот мои условия: 150 р. сер<ебром> за лист — всего за полтора листа рассказа и деньги чтобы мне получить сейчас же, не дожидаясь печатания; а при напечатании выслать мне 10 оттисков моего рассказа. Но если вы примете мои представления и не станете печатать — то прошу Вас тотчас возвратить мне рукопись.

Н. Соханская

7 марта.

1861.

7

3 мая 1861 г.

Христос воскрес!

Мне немножко нездоровится. Голова тяжела, и руки слабы, но надобно же что-нибудь делать, и я сажусь отвечать Вам, Михаил Федорович. Вы совершенно напрасно задаете мне столько вопросов и выражаете так много беспокойства по поводу «Тетушкина Евангелия». Дело совершенно простое, хотя точно очень неловкое с Вашей стороны. Но никакой у меня особенной досады не было ни против Вас, ни против г. Глотова. Эту меру отказать я сама предлагала через Вас г. издателю; а досадовать на свои собственные слова хотя мне и случается не редко, но не в таких обстоятельствах. Вы собственно немножко более виноваты передо мною, нежели г. Готов, и в том именно, что Вы оставляли комфортабельно улегаться Вашей желчи и забывали, что ее-то собственно Вы и должны были поспешить представить мне в Ваше извинение. Благодарю Вас за внимание к моему маленькому рассказу и в доказательство того, что я даже не сержусь за Вашу вторую ошибку, я охотно скажу Вам, что я полагаю сделать с своим рассказом. Я пошлю его к Ев<гению> Тур.¹ Кроме Ваших просьб, я потому еще отдавала его вам, что мне вовсе не хотелось являться в столичной газете, на глаза всех, с моими автобиографическими известиями; но попытка не удалась и не охотный путь лежит передо мною.

Право, что Вы так нападаете на меня за будто бы обуявший меня археологизм, да Вы даже не совсем имеете право на эти нападки. Поставивши недавно повесть Крестовского² и Кохановской, как в одинаковой мере и силе действующие на Ваше эстетическое чувство, Вы тем самым обращаете меня немножко к археологии. Зачем входить в состязание с кем бы то ни было и толпиться на общей дороге? Не лучше

ли честно своротить на маленькую тропинку и оставить другим честь и большое место. Никто не в проигрыше, и я не в убытке.

Вам остаются повести Крестовского, а мне — моя археология. Де-леж, как Вы видите, совершенно верный и могущий достаточно удовлетворить Вас, судя по Вашим словам.

Хотелось бы мне что-то поговорить Вам о Ваших словах: «что Вы человек разлада и ропота», но мне так нездоровится, что, пожалуй, мои слова могут показаться Вам словами разлада. Будьте здоровы. Я сегодня прочитала Вашу статью о Подводных Камнях нашей литературы.³ Вы достаточно пишете в Русскую Речь. Не знаете ли Вы, как идет газета? Много ли подписчиков? А ведь издали очень хорошо, но увы! в последних №№ уже завязывается перебранка о старых и новых богах Русского Вестника.⁴ Как это увлекаться так и не пожалеть литературной чести издания? Очень жаль. Мою «Старину» Вы должны уже прочесть, если захотите. Она напечатана в марте и апреле От<ечественных> Записок.⁵

Я не понимаю, на что Вы указываете, говоря, что Вы родились там, где я была прошлым летом.⁶ Далее Изюмского уезда и Харькова я нигде не была.⁷ Фамилию Вельяминовых я точно знаю, но они Тамбовцы⁸ — а Тамбов мне и во сне не снился, каков он на самом деле! Увы! *le rose de Tambow** покойного Мятлева совсем увяли⁹ — но об увяданьи грех говорить расцветающей весной... Еще раз будьте здоровы и извините неуряд письма моей больной головы.

Н. Соханская

3 мая 1861

Макаровка.

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / де Пуле.

¹ Подразумевается газета «Русская речь». Соханская сочувственно относилась к этому изданию гр. Е. В. Салиас де Турнемир и намеревалась там сотрудничать. Здесь были напечатаны два ее ранних очерка (Черты из нашей народности. I. Холера; II. Каменные бабы // Русская речь. 1861. 21 мая. № 41. С. 597—601). Аксаков, однако, еще в 1859 г. предостерегал: «Вы не уживетесь с Гр<афиней> Сальяс и дня. Она добрая женщина, но между Вами ничего общего нет» (*Семья Аксаковых*. С. 42). П. А. Плетнев также выражал удивление, узнав о контактах своей ученицы с московской писательницей (см.: Там же. С. 372). В конце 1861 г. Аксаков от кого-то узнал о несостоявшейся публикации рассказа «Тетушкино Евангелие» в воронежском сборнике и в письме от 20 нояб. осведомлялся: «Вы изволили написать еще Бабушкино Евангелие для Ворон<ежской> Беседы, которого она не могла поместить? Правда ли, и что намерены Вы с этим делать?» (Там же. С. 129). В ответном письме от 5 дек. Соханская на эти слова никак не откликнулась, но решение уже приняла. Она захватила рукопись с собой, когда в янв. 1862 г. уже отправилась было в Москву и добралась до Харькова, но двинуться дальше помешали снежные заносы. 27 янв. из Харькова рассказ был послан Аксакову (Там же. С. 142).

* Тамбовские розы (*фр.*).

² По-видимому, в своем письме Де-Пуле упомянул о заинтересовавшем его романе Н. Д. Хвоцинской (ее литературное имя: «В. Крестовский-псевдоним») «Семейство Подошвиных» (Русское слово. 1860. № 1—3), о котором он чуть позже написал статью «Литература и общественный быт» (Русская речь. 1861. 27 июля. № 61. С. 129—132). Сделанное им сопоставление оскорбило Соханскую, которая не хотела, чтобы ее рассматривали в одном ряду с второстепенной беллетристкой, к тому же близкой к «отрицательному направлению».

³ Имеется в виду статья Де-Пуле «Нечто о подводных камнях и утесах в нашей литературе (Письмо к редактору «Русской Речи» по поводу последнего романа г. Авдеева)» (Там же. 6 апр. № 28. С. 433—435; 9 апр. № 29. С. 449—451).

⁴ Возможно, имеется в виду «Заметка» в № 32—33 «Русской речи» от 21 апр. «Старые и новые боги» — статья М. Н. Каткова (Русский вестник. 1861. Февр. С. 891—904), открывшая полемику его журнала с «Современником» о материалистической философии.

⁵ См. примеч. 2 к п. 1.

⁶ Де-Пуле родился в с. Хренное Липецкого уезда Тамбовской губ., в котором Соханская никогда не бывала.

⁷ Кроме этого, было несколько поездок к бабушке в Корочанский уезд тогда Курской губ., сейчас Белгородской области, где писательница родилась. Эти маленькие путешествия назывались: «поехать в Россию».

⁸ *Вельяминовы* — дворянский род Тамбовской губ.; возможно, Де-Пуле писал об *Александре Дмитриевиче Вельяминове* — выпускнике Санкт-Петербургской духовной академии (1825), преподававшем философию и математику в Воронежской духовной семинарии.

⁹ Отсылка сразу к двум произведениям *Ивана Петровича Мятлева* (1796—1844) — элегии «Розы» («Как хороши, как свежи были розы...», <1834>) с ее последней строкой «На камне — роз моих завянувший венок») и знаменитой сатирической поэме «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, данс л'этранже» («Акулина Курдюкова, / Рюс, из города Тамбова...»).

8

29 сентября — 2 октября 1861 г.

29 сентября 1861
Макаровка

Страх давно я не писала и не отвечала Вам. За это время Вы успели не быть и опять быть в Вашем Воронеже, надышаться прошлым запахом полей, облениться *ex officio** и вновь приняться за дело тоже *ex officio*. Но я еще не принималась за свое обязательно-литературное дело по вольности «ленивого художника» и пишу к Вам на полном отдыхе. А Вы вот так прямо и подумаете: «в самом деле, что делается г-же Кохановской? Лениится да и только». Но во-первых: я больна самой несносной зубной болью; а боль не есть лень, а самый тяжелый и неблагодарный труд. Во-вторых: целое лето у меня не было дня нравственного отдыха — домашняя возня, суета, неприят в доме, досадное

* По должности (лат.).

ожидание и полное сознание, что вас обманули и посмеиваются предовольно над вашей простотою.¹ В-третьих: я только что отбыла годовщину смерти брата и вот на днях приехала из Харькова.² В Харькове я совершила подвиг. Одна-одинехонька явилась на лекции в Университет.³ И надобно отдать честь новоспеющему духу нашего общества. Не говоря уже о времени Вашего бытия в Университете, но и два-три года назад подобный поступок с моей стороны не обошелся бы мне без студенческой дерзости и грубой насмешки; а теперь какая немножко изумленная тишина водворилась в аудитории, когда я вошла и села, ожидая лекцию Истории Чешской литературы.⁴ И ни слова, ни взгляда, ни малейше чего-либо такого, что бы дало мне почувствовать неосторожность моего поступка: попасть одной в целую толпу студентов, выходящих из аудитории. Затем что мне еще сказать Вам о моей лени? Слышали ли Вы, что Аксаков издает с 1 окт<ября> газету еженедельную «День»⁵ (чуть было я не сказала: *Лень*). И вот в этой газете с первых №№ вы обретете произведение моей лени⁶ — довольно большое и открытое поле для Вашего критического прилежания, Михаил Федорович. Но, оставя шутку, я серьезно уведомляю Вас, если Вы не знали, что издается *День* — что мы, осмысленная здраво публика, обязаны встретить сочувствием и поддержать издание такого честно-умного и благородного деятеля, как Аксаков. Но встретит ли сочувствием почтеннейшая публика, или не встретит, а мое частное сочувствие вполне принадлежит этой газете, и едва ли за нынешний год я где-либо буду помещать свою *литературную лень*, как только там — в Аксаковском Дне.⁷ Но бедный Аксаков, человек энергически-прямой и связанный по рукам и ногам для честной работы. «*Парус*» ему спустили на двух номерах,⁸ и теперь ему, кажется, всё неудачи. Он обещал мне выслать объявление о газете в первых числах августа, потом в первых сентября; а вот и 2 октября, когда я это пишу к Вам, а объявлений еще нет у меня;⁹ но все-таки газета будет — должна непременно быть.

Затем я перечла Ваше последнее письмо и нахожу, что Вы по-Вашему правы, упрекая меня в неэкономии художественного багажа моей «Старины».¹⁰ Будет ли продолжение? Я и сама настояще не знаю.¹¹ Т. е. по-настоящему должно бы быть — но сырая антикварная работа томит меня невыносимо. Я, кажется, вольной художественной ленью отделаюсь от нее и тем более, что уже начало есть и «Рой Феодосий Саввич на спокое» в полной картине широко и полно встает в голове.¹² Но когда этот *Рой* отроится, это еще Бог весть и загадывать на будущее я никогда не загадываю. А что же ваша Беседа?¹³ Тяжела на объем — и на подъем тоже? Ведь это Бог знает что делает с вами ваш петербургский «милостивец»! Бедный Глотов! чрезвычайно приятно пришлось ему потрудиться для литературы! А Вас поздравляю с прекрасным явлением наших литературных дней — с г. Юркевичем! Спасибо, большое спасибо Р<усскому> Вестнику, что он вывел из-под спуда эту философскую личность;¹⁴ а герой-то г. Чернышевский — вот уже настоящий

герой нашего времени,¹⁵ этих возмутительно дерзких, невежественных господ за прилавком фельетонной мудрости.

Но пора кончить письмо, которое выходит чересчур болтливо; а всё оттого, что я, во-первых, по мере сил, стараюсь испустить свое долгое молчание; а во-вторых, потому, что день светел, хорош; голубое, совершенно безоблачное небо веселит солнцем и дает такое расположение духа, что, взявшись за перо, можно исписать целые страницы, говоря о том о сем, а больше ни о чем.¹⁶ Прощайте. Будьте здоровы. Благодарю Вас за вашу Воронежскую Старину,¹⁷ которую, нечего греха таить, я не читала, но подержала благодарно в руках.

Вас уважающая Н. Соханская

Сейчас сажусь писать Уставную Грамоту.¹⁸

Утро 2 октября.

¹ Соханская наняла мастеров для больших переделок в доме (а он был в Макаровке самым простым — обычная мазанка, пусть чуть более просторная, чем у крестьян, с глиняными полами и чуть не соломенной крышей). Мастера эти обманули ее, получив задаток и бросив на все лето работу после того, как уже были разобрана крыша и разломаны старые окна. 9 сент. 1861 г. она рассказывала Плетневым: «...целое лето пропало в напрасных беспокойствах, домашней неурядице. Подрядчик и столяр забрали у меня деньги и самым чистым русским образом обманули меня. 29 августа, когда у нас с неделю лили дожди и стояли холода и ветры октябрьские, подрядчик, не показывая ко мне глаз, прислал сказать мне: что он *теперь* может поставить ко мне 4 человек штукатурить потолки и красить полы. Если бы за все подобные проделки удобств нашей общественной жизни да позволить себе сердиться, это бы крови испортилось не в меру. Я, по счастью, научилась и умею своего рода философией умерять эти портящие кровь порывы. Но все-таки мне не обошлась даром вся эта комиссия. В этом целое лето настежь стоящем доме я простудилась в дожди и холода...» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 108—108 об.).

² О необходимости ехать к мировому посреднику, а затем и в Харьков говорится в процитированном в примеч. 1 письме к Плетневым. О смерти брата см. примеч. 1 к п. 3.

³ Об этом своем «подвиге» Соханская писала Аксакову 9 окт. 1861 г. (*Семья Аксаковых*. С. 124).

⁴ Ср. в том же письме: «Слушала лекцию Вашего знакомого Лавровского о старочешской литературе. Начало Гусситской эпохи; но, после статей “Р<усской> Беседы” “Гусс и Лютер”, я не встретила ничего нового. Мне хотелось лекций о Рус<ской> Литературе, но кафедра не была еще открыта. <...> Потебня читал о “Славянских Древностях”. Я подумала, что это разбираются памятники древнеславянской письменности; а это вышло сравнительная филология славянских языков, в которой целую лекцию разбиралось одно слово: *чудь*. Немного, право» (Там же). Комментарии к этому фрагменту см.: Там же. С. 423.

⁵ Выход первого номера газеты был отложен на две недели, до 15 окт. 1861 г.

⁶ В первых девяти номерах была помещена повесть Кохановской «Кирила Петров и Настасья Дмитрива», работа над которой была начата 18 апр. 1860 г.

⁷ Кохановская отклонила предложение Аксакова стать его харьковской корреспонденткой, однако высказала самые горячие заверения в своем охотном и постоянном сотрудничестве. «Если бы даже Вы не предложили мне этого вопроса,

я бы сама назвалась к Вам...» (*Семья Аксаковых*. С. 109). См.: *Фетисенко О. Л.* Кохановская (Н. С. Соханская) в газете «День» // «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты. СПб., 2017. Ч. 1. С. 81—94.

⁸ Газета «Парус», задуманная как издание для всех славян, была запрещена после выхода двух номеров — от 3 и 10 янв. 1859 г.

⁹ Аксаков писал Соханской 11 авг. 1861 г.: «С 1 октября я непременно начну газету. На днях вышло Вам программ» (*Семья Аксаковых*. С. 113). Первую редакцию объявления не пропустила цензура. Корректуру этого запрещенного варианта и 10 экземпляров итоговой редакции объявления он отправил в Макаровку 20 сент. (Там же. С. 121). Письмо это было получено только 8 окт. (Там же. С. 122).

¹⁰ Ср. с отзывом Аксакова в письме от 18 июня 1861 г.: «...пожалел, что так много брошено Вами художественного материала без обработки: каждая из этих фигур чем бы вышла у Вас, в повести, при художественном окончании! — Всё это в высшей степени интересно, быстрый очерк намечен рукой художника, но это не составило приобретения для литературы, не врезало глубоких следов» (Там же. С. 112).

¹¹ Хроника была заброшена. Краевский лишь после нескольких напоминаний выслал автору гонорар, что окончательно повлияло на решение не печататься больше в его журнале. 22 нояб. 1861 г. Соханская писала Плетневу: «Когда эта московская выборная дружина узнала, что я отдаю “Старину” Краевскому, она встала на меня как один человек. Аксаков чуть не разбранился со мною в письме. Мне советовали, упрекали, умоляли меня не давать Старины Краевскому, а позволить напечатать ее особым московским изданием. Но мои горячие благородные друзья не замечали того, что они подвигали меня на неблагоприятное дело: изменить данному обещанию. Поступить с человеком бесчестно на том основании, что этот человек сам не совсем честно поступал, или поступает с другими. На это я не могла согласиться. Обещание Краевскому было дано в то время, когда я едва знала о каких-то Славянофилах по насмешкам над ними петербургских журналов. Я и в то время уже сочувствовала им, и это самое сочувствие обязывало меня поступать так, чтобы я имела нравственное право сознать свою внутреннюю связь с их благородным кругом» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 112 об., 115).

¹² Повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокое» будет завершена только в 1864 г.; опубл.: *День*. 1864. 1 февр. № 5. С. 4—9; 8 февр. № 6. С. 4—7; 15 февр. № 7. С. 4—8; 22 февр. № 8. С. 3—9; 5 марта. № 9. С. 5—13; 8 марта. № 10. С. 5—9; 14 марта. № 11. С. 3—9; 21 марта. № 12. С. 16—20; 28 марта. № 13. С. 7—10; 11 апр. № 15. С. 4—11.

¹³ Имеется в виду сборник «Воронежская беседа», выход которого задержался.

¹⁴ В «Русском вестнике» (1861. Апр. С. 79—105; Май. С. 25—59) была перепечатана из журнала «Труды Киевской духовной академии» и сопровождается предисловием М. Н. Каткова статья *Памфила Даниловича Юркевича* (1827—1874) «Из науки о человеческом духе», в которой разбиралась анонимно напечатанная в «Современнике» (1860. Кн. IV) диссертация Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Эта публикация вызвала большую журнальную полемику.

¹⁵ Чернышевский ответил Юркевичу статьей «Полемические красоты» (Современник. 1861. Кн. VI. С. 447—478; Кн. VII. С. 133—180).

¹⁶ Выражение «того, сего, а больше ничего» встречается в периодике 1860-х — 1870-х гг. и, возможно, восходит к «Евгению Онегину» («Подобием того-сего»; гл. 4, стр. XLV).

¹⁷ Имеется в виду сборник: *Материалы для истории Воронежской и соседних губерний*. Воронеж, 1861. Кн. I. Впервые «Материалы...» были напечатаны в «Воронежских губернских ведомостях» в 1858, 1859 и 1861 гг.

¹⁸ *Уставные грамоты* — соглашения между помещиками и крестьянами, в которых определялись условия наделения крестьян землей, размеры наделов и по-

винности временнообязанных крестьян; утверждались мировыми посредниками, а в отдельных случаях — Губернскими по крестьянским делам присутствиями. Соханская должна была отправиться к посреднику (*Семья Аксаковых*. С. 122).

9

25 ноября 1861 г.

25 ноября, 1861.

Макаровка.

Что с Вами, Михаил Федорович? С каких пор я не имею от Вас никакого известия и в литературе Вас не слышать.¹ Говоря просто по-деревенски: я не падка на новые знакомства; но точно также я не расстаюсь легко и не могу отказаться без сожаления от однажды принятых отношений. Я писала к Вам в первых числах октября, а теперь последние ноября, и нет от Вас никакой вести. По литературе я знаю, что Вы испытали дружескую большую потерю: умер Никитин.² Не живется на Руси ее лучшим людям. Такой уже воздух у нас. И как это грустно — тяжело и горько, что в то время, когда человек бился как рыба об лед, в этих конвульсивных движениях была жизнь; а выплыл немного на широту, пробил ледяную кору — и не стало жизни, не стало человека! Мне особенно грустно за мою неудавшуюся надежду. Я ожидала окончания моей начинающейся повести в Дне³ и оттисков ее, и мне так хотелось через Вас послать ее Никитину и хотя чем-нибудь заявить то глубокое сочувствие и уважение, какое мы должны чувствовать к этим неожиданным и нечаянным самородкам открывающейся нам духовной силы народа. Я не совсем здорова. Нервы начинают изменять мне. Целая половина головы болит от письма и чтения, бунтует нервными криками против мысли. Умирать пора... А Ваша *Беседа* наконец-то воскресла и оказалась в живых между новыми книгами.⁴ Пошли ей, Господи, скорую книгопродавецкую смерть, т. е. распродажу! Передайте это мое желание г. Готову — и за тем прощайте! Будьте здоровы и верьте искренности живого благородного сочувствия к Вам

Над. Соханской

А каков *День*?⁵ Ведь настоящий серьезный, работающий мыслью и словом день!

¹ Последняя статья, опубликованная Де-Пуле в 1861 г. в «Русской речи» (рецензия на книгу бар. М. А. Корфа о М. М. Сперанском), находилась в №№ 82 и 83 от 12 и 15 октября.

² И. С. Никитин скончался 16 окт. 1861 г.; Де-Пуле был душеприказчиком поэта.

³ Публикация повести будет завершена 9 дек. 1861 г. (в № 9).

⁴ О выходе сборника «Воронежская беседа» Соханская узнала из газетных сообщений.

⁵ Имеется в виду газета Аксакова.

8 января 1862.

Макаровка.

Минуя всякие официальности, я не поздравляю Вас с праздниками, которые прошли, — с Новым Годом, который наступил, не величаю Вас никакими воззваниями, ни пожеланиями; а просто верст за 500 протягиваю Вам руку и говорю: здравствуйте, Михаил Федорович! Наконец-то Вы ответили на мои домогательства: где вы и что вы? И что такое делается с Вами, что не пишете Вы? Я полагала, что не в Петербурге ли Вы по делу «Воронежской Беседы». А хорошее дело эта Беседа! *Книга*, можно сказать ей в дельную, настоящую похвалу. Как-то она расходится, любопытно знать? Провинциальная Книга, есть ли ей ход в столицах? Судя по отзыву «Русской Речи»,¹ кажется, должен бы быть. На первых страницах Кольцов и Никитин,² и оба — умершие. А что за прелесть этот виртуозный аккорд природы, внесенный в страшную дисгармонию и нищету человеческой жизни.

Вот уж вечер идет,
Росой травку кропит;
В синих тучах зоря
Разыгралась — горит.

И эти золотые дворцы, и золотые сады, и янтарный мост через синюю глубь, и всё это в виду старых избенок, в которых сырость и темнота и теснота — и этот мимолетный колокольчик

Прозвенел по селу,
В чистом поле поет;
На широкий простор
Душу-сердце зовет.³

Но такова сила природы и сила веяния поэзии, этой истинной высшей природы человеческой жизни, что она и томит, и вместе освежает вам душу — кропит ее, как ту травку росой. Упокой, Господи, душу человека и дай ему видеть светлость Божественного Лица, Которого неисповедимую красоту он уже прозревал здесь на зарях и тучах, в звоне и шорохе всемирной сотворенной жизни! Поминая так душу поэта, легче становится собственной душе: у нее будто подрастают крылья.

А мне и очень бы к делу прилились на это время крылья. Я собираюсь подняться к концу этого месяца и полететь в чужую сторону — в чужо-дальню-незнакомую: в Москву и Петербург⁴ — и даже избавляю Вас от тяжелой обязанности отвечать мне на это письмо, покуда сама не напишу Вам в другое, где я буду находиться.

Вы, пожалуйста, не примите этих моих слов за какой-нибудь затаенный под шуткою упрек — вовсе нет. У меня не слишком-то весело на

душе, и потому я шучу на словах. Скажите, пожалуйста: когда мы со всех сторон перестанем жаловаться на одиночество? Вы пишете: «Итак, я одинок теперь остался в Воронеже»; Аксаков пишет: «Вы не поверите, в каком душевном и умственном одиночестве обретаюсь я после смерти Хомякова и брата»⁵ — и это из Москвы, и из большого губернского города; а мне уже и говорить смешно об одиночестве в моей Макаровке. И в самом деле, какое же одиночество? Прекрасная русская природа до того засыпана снегом, что ни проезду, ни выезду из красот ее нет. Волки, лисицы и зайцы подобрались к самым жильям — самое естественное сообщество для человека, и у меня под самым моим окном зайцы в снегу кублы⁶ выбивают и залегают лежать очень спокойно и очень довольны. И совершается полная гармония природной жизни: зверь приближается к человеку и человек к зверю.

Но довольно об этом. У человека должна быть, если он человек, та благая и великая сила души, которая поводом выводит его из этого звереобразного подобию на широту мысли и глубину человеческого чувства. Но что это я зафилософствовалась у Вас сегодня на письме?

Поговорим-те о чем-нибудь обыденно-житейском. Какой предмет Вы читаете, или преподаете в Корпусе?⁷ Много ли новым духом пахнуло на Ваше заведение? Как Вы себя чувствуете на вашем месте? Какова атмосфера? Душит ли Вас добропорядочно или^a не совсем много захватывает дыхательное горло?

А Вы хотите от меня «Старины»? Нету. Вы знаете, как поступают столичные с нами, провинциалами? Краевский после всех своих медоточивых фраз все-таки настолько дурно поступил со мною, насколько мог, и не выслал мне оттисков, хоть слово о них было.⁸ Вы еще хотите моей карточки? — Тоже нету теперь. В сентябре, когда я писала к Вам, я даже держала карточку в руке и совсем готова была положить ее в конверт Вашего^b письма, но остановилась. От Вас желания не изъяслялось, а самой навязываться своим маленьким портретом — для этого я немножко горда и как женщина, и как писательница; да и не очень щедра на рассеивание своих фотографических подобию. О сю пору две только моих карточки находятся в чужих руках: в Петербурге у Плетневых и в Москве у Аксакова⁹ — и ни у кого более; но вам я вышла из Москвы с удовольствием — конечно, взамен на Вашу карточку.

Вечер. Вы говорите о своем 40 году¹⁰ и о втором *тысячелетии*.¹¹ Конечно, и то и другое хорошо, но знаете — немножко лицо наизнанку. Тем-то и живет наша матушка Россия, что десятки миллионов нас с Вами умирают в 20 или в 40 годах — для нее это всё равно, и для тысячелетнего счета наши года одно круглое валовое число. Отдельную человеческую личность этот круговой загон душу печалит. Но Вы, видно, человек бодрый, на здоровье Вам. Но Вы спрашиваете о моем «Рое

^a Далее зачеркнуто: только.

^b Исправлено: было: к вам.

Феодосии Саввиче»¹² — подвигается ли он? Нимало. Еще и не начинал роиться. Я еду в столицы потому, что Плетнев взялся хлопотать об издании моих сочинений.¹³ так все-таки лучше собственную руку приложить к собственному делу. И поэтому случаю, не думая о Рое, я думаю о подготовке старой роевщины к новому выходу в свет. Но на мне лежит такая тяжелая апатия, может быть, в связи с моим нездоровьем — с истомившей меня зубной болью, которая расшатала все головные нервы, что я ни читать, ни писать почти не в состоянии. Насилу разде<ла>лась с своим Кирилою.¹⁴ А скажите, пожалуйста, какими путями в Москве и Аксаков могли узнать о «Тетушкином Евангелии» и что оно не могло поместиться в «Воронежской Беседе»?¹⁵ На праздниках Кушелев прислал мне телеграмму с поздравлением и, конечно, с маленькой просьбою о *повести*.¹⁶ Мне дают 200 р. сер<ебром> за лист без спору, без разбору... Но что такое Русское Слово с философией г. Писарева? Громко проповедуемый материализм.¹⁷ Мне тонко намекают: что в области чистого искусства нет ни строгих убеждений, ни строгих антипатий к направлениям. А что же в искусстве есть, по мнению этих господ? Безразличие летучей фантазии, сегодня представляющей то *белым*, что вчера казалось *черным*, — без скрепы основного взгляда на жизнь, когда именно этот взгляд, живой и жизненный, и есть именно та заветная сила искусства, которая почерпается из *убеждения*, а не из *увлечения* материализмом. Похвалу себе во «Времени» я читала.¹⁸ Ничего, хорошо. Повторение с высшей точки литературного зрения всего того, о чем Р<усская> Б<еседа> говорила толково и просто.¹⁹ А заметили ли Вы, господин Критик, как мило *Время* в своих речах и критических разборах? Оно никогда не относится к предмету прямо, а всегда *по поводу* чего-нибудь... По поводу пролитого масла говорит о прошлогоднем снеге, ведь это очень мило.

Но о чем я не наговорила Вам на этих зеленых страничках? Благо, что бумага всё терпит, а перо, хоть дурно, а пишет.

II <января.> Вечер. Вот когда мне приходится домарывать Вам эту страничку и, знаете ли, с каким мнением и убеждением? Вот с каким. Мы, люди немножко ненормальные, чувствующие себя одиночками на плоском и широком лице нашей матушки Руси, должны быть поболее внимательны друг к другу и не должны очень стесняться таким недалеким расстоянием, как 900 или тысячи полторы верст (для мысли и сочувствия нет счета верст) — так вот я говорю: что мы можем не стесняться гоньбою почтового измерения и очень можем искренно и радушно подать друг другу руку, не справляясь с расстоянием. Я это и делаю, Михаил Федорович, и протягиваю Вам руку с той маленькой предупредительностью, на которую вообще способны женщины. Если когда-нибудь под тяжелую минуту придется вспомнить: что есть человек, хотя бы на краю света, который, будь он поближе,^a немножко по-

^a Далее зачеркнуто: всё.

человечески принял бы с нами эту минуту, — все-таки станет будто легче от этой мысли. Вот это маленькое облегчение предлагаю Вам радушно и искренно, протягивая руку во всю длину расстояния от Макаровки до Воронежа (хоть моя рука вовсе не так велика) и желая Вам лучшего, что можно пожелать одиноким людям: силу душе и свет и возбужденность мысли.

Н. Соханская

¹ «Русская речь» откликнулась на выход сборника «Воронежская беседа» статей А. С. Суворина (подп.: А. С.) «Наши герои» (1861. 16 нояб. № 92. С. 625—629). См. также: М—к И. <Афанасьев А. Н.> Кольцов и Воронежские педагоги (Воронежская Беседа...) // Там же. 14 дек. № 100. С. 753—756.

² Сборник открывали пословицы, собранные А. В. Кольцовым, за ними следовала поэма И. С. Никитина «Тарас» и другие его произведения (стихотворения, повесть «Дневник семинариста»).

³ Цитаты из поэмы Никитина «Тарас» (Воронежская беседа... СПб., 1861. С. 1—2).

⁴ Из Макаровки Соханская выехала 20 янв. 1862 г., доехать удалось только до Харькова, а большое путешествие было отложено до лета.

⁵ Цитата (с небольшой неточностью) из письма Аксакова от 20 нояб. 1861 г. (*Семья Аксаковых*. С. 130).

⁶ Кубло — гнездо, логово; одно из значений — ямка.

⁷ Де-Пуле преподавал русский язык и историю.

⁸ Соханская рассчитывала получить 25 оттисков (ОР РГБ, ф. 391, ед. хр. 726, л. 4 об.).

⁹ Аксаков и Соханская обменялись фотографиями в окт. 1861 г. (*Семья Аксаковых*. С. 124—125). Плетневым свою карточку Соханская послала вместе с письмом от 21—22 нояб. того же года (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 110).

¹⁰ Сорок лет Де-Пуле исполнялось 12 окт. 1862 г.

¹¹ Подразумевается 1862 г., официально объявленный годом тысячелетия Руси.

¹² См. примеч. 12 к п. 8.

¹³ См. об этом: *Семья Аксаковых*. С. 434—435.

¹⁴ Имеется в виду повесть «Кирила Петров и Настасья Дмитрова».

¹⁵ См. примеч. 1 к п. 7.

¹⁶ См. подробнее в письме к Аксакову от 27 янв. 1862 г.: *Семья Аксаковых*. С. 143. 29 января об этом же она сообщала и Плетневу, поясняя: «День и Русское Слово — большой скачок в убеждениях надобно сделать, чтобы перейти от одного к другому. А служить нашим и вашим — немножко не в моем хуторском вкусе» (цит. по: Там же. С. 441).

¹⁷ Имеется в виду статья Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» (Русское слово. 1861. Май. Отд. II. С. 43—82; Сент. Отд. II. С. 1—34), в которой говорилось, в частности, о том, что нужно отвергнуть идеализм (он-то и назван был схоластикой) и расчищать дорогу материалистическому мировоззрению, а для этого «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 2000. Т. 2. С. 284).

¹⁸ Речь идет о статье «Явления современной литературы, пропущенные нашею критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» (Время. 1861. Сент. Отд. II. С. 20—34), об авторстве которой до сих пор ведутся споры (см. подробнее: *Семья Аксаковых*. С. 424). А. С. Суворин писал Де-Пуле от 27 окт. 1861 г.: «Заметили, что “Время” Ко-

хановскую относит к явлениям пропущенным» (Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публ. М. Л. Семановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 155).

¹⁹ Здесь подразумеваются статьи К. С. Аксакова (О повести г-жи Кохановской «После обеда в гостях»... // Русская беседа. 1856. Кн. IV. Отд. V. С. 141—144) и Гилярова-Платонова (О повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов»... // Там же. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 65—68). Автор статьи во «Времени» (мы разделяем предположение о том, что это был Ап. А. Григорьев) совершенно в духе сотрудников «Русской беседы» сопоставлял повести Кохановской с «Капитанской дочкой» Пушкина и «Семейной хроникой» Аксакова и отмечал, что в этих произведениях русская жизнь отражается «своими *положительными* сторонами» (Время. 1861. Сент. С. 28).

II

29 января 1862 г.

Харьков
29 января 1862.

Вместо Москвы я, видите, откуда пишу Вам, Михаил Федорович. Суть встала волнами и буграми разъяренного моря, чтобы преградить мне поездку в Москву, и я поворачиваю кормило моего корабля — так, кажется? и отправляюсь назад в Макаровку.¹ Нет никакой возможности ехать. Мальпосты² не ходят; дилижансы по пяти дышл ломают в сутки, пассажиры разбивают в них головы, испытывают морскую болезнь и, спасаясь от мук, отправляются на перекладных. Вот и разбитие всех предположений! Немножко досадно, жаль сборов; но, впрочем, у меня есть заветное утешение: что ни делает Бог, всё к лучшему — и я мирюсь со всем, т. е. что касается меня. Вчера я была в Воскресной школе,³ в художественном музее Университета,⁴ который теперь по праздникам открыт для посетителей. Сегодня спешу на лекции старинной, т. е. древней, Русской и Чешской литературы и мараю Вам сие уведомление, что я опять в Макаровке⁵ и Вы можете писать ко мне по прежнему адресу, не ожидая московских писем от меня. Прощайте, будьте здоровы, спешу...

Н. Соханская

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де-Пуле. Почт. штемпель: Харьков. 2ефевр. 1862; Воронеж, 9 февр.

¹ В Харькове Соханская оставалась до 6 февр. 1862 г.

² Почтовые кареты.

³ См. в письме к С. Т. Аксакову от 2—4 февр. 1862 г. о встрече с организатором харьковских воскресных школ Павлом Ивановичем Ладовским (Семья Аксаковых. С. 144).

⁴ Имеется в виду Музей изящных искусств и древностей Харьковского университета, устроенный в 1837 г. на основе созданного при университете в 1807 г. Каби-

нета редкостей. Для публики музей был открыт в янв. 1861 г. См.: Филиппенко Р. И. Е. К. Редин и Музей изящных искусств и древностей Харьковского университета // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 89—96.

⁵ Вернуться в Макаровку Соханской удалось только 8 февр. (Семья Аксаковых. С. 440).

12

5 апреля 1863 г.

5 апреля 1863.

Христос воскрес!

Весенний, великий праздник, здравствуйте, Михаил Федорович! Очень рада, что мой авторский подарок вызвал Вас на письмо; только куда Вы его адресовали? Когда я довольно давно у себя в Макаровке. Уезжая, я отвечала Вам из Харькова и в том письме отправила свою хотя не очень удачную карточку — и потому Ваше молчание было для меня немножко странно. Благодарю Вас за Вашу изящную карточку. Какая, однако же, у Вас отвечающая Вашей фамилии не-русская физиономия! Особливо это чувствуется после московских широких лиц, наметавшихся в глаза. А славные чистые лица! Поглядев на них, только начинаешь понимать, как *народна* наша русская иконопись. Не знаешь, как решить себе: лица ли эти сошли с икон, или они сами просятся в Апостолы да в чудотворцы Николаи на иконы?...

Благодарю Вас еще раз за Вашу карточку; но теперь я не знаю, когда мне доведется послать Вам свою? Ни московских, ни петербургских карточек у меня более нет, и в Харькове скоро мне не придется быть.

Роман мой тяжело дается мне.¹ Закрывать глаза и запечатать уши на всё живое современное и забраться в далекую глушь, этот труд стоит огромных усилий авторской души. И труд без драматизма, спокойный эпический труд — я знаю, что за него немногие скажут спасибо. И Вы едва ли будете из числа их — но я отвечаю внутреннему призыву души сделать свое дело; а там что Бог даст. Я очень довольна своею поездкою² в том отношении, что меня теперь ничто не манит впереди. Прямее смотришь на вещи. Большие города, зубчатые стены Кремля, дворцы, Нева, картины, картины! буро-зеленая морская волна и люди, как люди, без ореолов, и все мы под Богом ходим, говоря по-русски... Впечатление, как видите, довольно широкое и совершенно спокойное.

Прощайте. Будьте здоровы. Вы попрекаете меня авторской ленью; а Вам-то самим не грех притихнуть совсем в нашей литературе?.. Петру Петровичу Гловову мой усердный поклон... Вам не за что благодарить Ив. С. Аксакова по поводу моих сочинений — это я сама назначила ему послать Вам экземпляры.³

Н. Соханская

¹ Речь идет о повести «Рой-Феодосий Саввич на спокойе».

² Подразумевается поездка в Москву и Петербург летом — осенью 1862 г. (см. подробнее в кн. *Семья Аксаковых*).

³ Аксаков рассылал изданный им двухтомник «Повести Кохановской».

13

22 мая 1864 г.

22 мая 1864.

Макаровка.

Что Вы подумали обо мне за этот год молчания, Михаил Федорович? И почему я не писала Вам?.. Только не потому, чтобы я не хотела — а я напротив, получивши Ваше письмо с приложением статьи о Никитине¹ — письмо, где было несколько теплых слов вообще и умиленное воспоминание о Вашем детстве — о церкви, где Вы ребенком певали на клиросе и взрослым человеком, утерявшим нить прямой естественной жизни, — Вы плакали невольными облегчительными слезами, — я хотела отвечать Вам на это письмо именно много и тепло, и искренно. Но для такого большого письма нужен досуг не внешний, а внутренний — нужно, чтобы душа, мирная и свободная, взяла из сердца и заговорила... А у меня на душе был грузом тяжелым, еще не сложившимся, мой Рой.² Это истинно был труд души, полный сомнений, борьбы, недоумения. Вся душа была занята и томима им. Я думала, что я никогда не разделаюсь с моим Роем — и я же с первых строк знала, что немного будет сочувствующих моему труду. Но если бы их не было и ни одного — какая нужда! Я пишу по тому внутреннему побуждению, которое велит мне писать вот *это*, а не то *другое*, что могло бы понравиться публике. Но, впрочем, успех Роя более ожидаемого, хотя вовсе не всеобщий, но здесь качество вознаграждает меня за количество.³

....Итак, если бы я хотела написать вам маленькое и обыкновенное письмецо, я бы, конечно, написала; но мне всё хотелось поболее, потеплее и почеловечнее написать, а это не удавалось, а время задавнилось и пошло, пошло на целый год... Увидевши в Дне Вашу статью рядом с своею,⁴ я почувствовала такой укол совести, что в ту же минуту хотела было взять перо и написать Вам — но подумала: Нет уже! попространнее напишу после Роя. (Рой печатался и дописывался мною.⁵) Дописавши, я так всеполно отдыхала, так рада была возможности и свободе не писать — что, кажется, к человеку самому сердечно любимому я могла бы в то время написать только два слова: «Кончила Роя». Затем скоро наступила Страстная и Святая Неделя; я говеоу на Страстной и на целую неделю уезжаю из дому к церкви.⁶ На Праздниках я уехала верст за 150 к добрым знакомым,⁷ которым я в той же мере, если не более была должна визитом, как Вам письмом; а возвращаясь

домой, я простудилась чуть не до смерти. И вот теперь, ставши на ноги и прибирая бумаги у себя в секретере — я встретила Ваше письмо и, уже не отлагая ни минуты, села и вот пишу Вам. Вы просили моего портрета... Я должна дать Вам и отдаю последнюю петербургскую карточку, которую я давала только очень немногим и дорогим мне. Ее пожелала иметь у Себя и Императрица, узнавши от Тютчевой, что я даю эту карточку только близким друзьям своим.⁸ Возьмите и Вы, Михаил Федорович, и простите мне, если мое молчание оскорбило Вас. Я вам чистосердечно сказала всю истину; а Вы скажите мне в добрую минуту: что Вы подумываете и поделяете, кроме Ваших Ведомостей?⁹

Как Вам показался Рой? Говорите с полнейшею, самой резкой откровенностью — помня слово: что одни поддельные цветы дождя боятся, а я ведь простой, степной, самородный цвет — если позволите так выразиться

Кохановской.¹⁰

Тургенев, прочитавши первую главу Роя, сказал: *Mais c'est un hurlement! Elle ne parle pas — elle hurle!*¹¹ Но под конец признал во мне большой несомненный талант. — Сл<едовательно>, до Роя Тургенев сомневался.¹¹

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де Пуле. / В Кадетский Корпус. / Со вложением фотографической карточки / 20 мая 1864 года / Ст<анция> Теплянка.

¹ Речь идет о статье «Сведения о жизни и деятельности И. С. Никитина» (Русский архив. 1863. Вып. 5—6). Позднее Де-Пуле написал биографию Никитина (опубликована в 1867 г. в «Виленском вестнике», отд. изд.: Вильно, 1869).

² Активная работа над повестью «Рой-Феодосий Саввич на спокойе» шла в 1863 г., первые главы (третья часть всего произведения) были отправлены Аксакову в январе 1863 г. (*Семья Аксаковых*. С. 484).

³ Некоторые отзывы о повести см.: Там же. С. 217—218, 220—223, 226—227, 484—487, 490.

⁴ Имеется в виду статья: Де-Пуле М. По поводу провинциального безмолвия (Письмо к редактору Дня) // День. 1864. 15 февр. № 7. С. 1—4. Сразу за ней (с. 4—8) следовала третья глава повести Кохановской. Позднее Де-Пуле поместит две статьи в аксаковской «Руси» (1883—1885).

⁵ 1 марта 1864 г. Соханская писала А. В. Плетневой: «А Рой печатается. Вот через 4 дня мне уже нужно высылать новую главу, а я совершенно не могу и не думаю писать. <...> Может быть, это следствие погоды (у нас открылась весна туманами и мелкими дождями), или я чересчур засиделась над тяжелым трудом (его, я слышу, называют: *великим*) и мне бы нужно было какое-нибудь внешнее развлечение и возбуждение — но всё внешнее возбуждение состоит в том, что я *должна* писать, чтобы известный отдел готов был к известному числу. А может быть, это самое: *должна* и убивает во мне художественную работу и охоту... Но ведь мне это тяжело, страшно тяжело, Сашенька. Эта разладица внутри — такое время, под которым я лежу как чурбан. Хотя бы было прочитать что живительное — ничего нет, ника-

^a Но это курлыканье! Она не говорит — она курлычет! (*фр.*).

кой книги! Всё добывай из самой себя: и мысль и возбуждение. Людской братской помощи ни откуда не жди — нет ее ни в чем ни на булавочную головку. <...> завтра Великий Пост. Я люблю испытывать на себе его отрезвляющее действие. Бог даст, немота моей души пройдет и оживится воля, и заговорит мое слово в Рое» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 9, ед. хр. 163, л. 7 об.—8 об.).

⁶ Соханская говела в церкви села Савинцы, в 7 верстах от ее хутора.

⁷ Речь идет о поездке в Каменку (в том же Изюмском уезде), имение большого семейства Малиновских (потомков директора Царскосельского лицея) и их родных. Соханская была особенно дружна с *Марией Васильевной Вальховской* (урожд. *Малиновской*; 1809—1899), вдовой декабриста В. Д. Вальховского и ее дочерью *Анной Владимировной* (в замуж. *Носовой*), общалась и со старшей сестрой М. В. Вальховской, баронессой *Анной Васильевной Розен* (1797—1883) и ее мужем, также бывшим декабристом бароном *Андреем Евгеньевичем Розеном* (1800—1884). Розены поселились в Каменке в 1856 г. О поездке, упоминаемой в данном письме, см.: *Семья Аксаковых*. С. 225.

⁸ Имп. Мария Александровна была знакома с произведениями Кохановской и имела сведения о ее жизни еще до состоявшегося летом 1862 г. ее официального представления, устроенного с помощью *Анны Федоровны Тютчевой* (1829—1889; в 1866 г. она станет женой И. Аксакова), фрейлины императрицы и воспитательницы ее младших детей. В конце 1861 г. Соханской был послан подарок императрицы — драгоценная брошь, которую она в 1862 г. смогла сдать в Кабинет подарков, чтобы получить деньги. В дальнейшем было еще несколько встреч, в том числе во время посещения Царской семьей Святогорского монастыря в Харьковской губернии. Дважды Соханской предлагали преподавать великим князьям русскую словесность, но она отказывалась. См.: *Семья Аксаковых* (по указателю).

⁹ В 1862—1863 гг. Де-Пуле был редактором неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей». Он тяжело переживал удаление из редакции, о чем писал И. С. Аксакову (см. Приложение).

¹⁰ Соханская лишь в исключительных случаях подписывалась в частной переписке своим литературным именем. Здесь она делает это, поскольку речь идет о ее романе.

¹¹ Этот отзыв И. С. Тургенева Соханской передал Аксаков в письме от 23 апр. 1864 г. (*Семья Аксаковых*. С. 220). В то же время она получила и другое известие о восприятии Тургеневым ее повести — от Плетневых, встречавшихся с писателем в Париже (Там же. С. 226).

14

30 октября 1864 г.

30 окт<ября> 1864.

Макаровка.

Не мстите, Михаил Федорович. Мечь вообще дурное движение души; но Вам, 42-летнему идеалисту, «наказывать» женщину — давать ей отместку тем самым орудием, которое она, в горячем раскаянии о своей вине, принесла и положила перед Вами, это, по меньшей мере, не совсем идеально. Вы воспользовались Вашим правом и Вы забыли, что могли наказать меня глубже и вернее: Вашим великодушием, простивши меня. А теперь Вы достигли того: если мне случится еще провиниться перед Вами, то я уже не попрошу прощения — никогда! Но

я благодарю Вас, что, несмотря на реальную месть, Вы поделились со мною известием о том, что предполагалось быть с Вами и не сбылось. Но меня удивляет то: что Иван Сергеевич, человек, понимающий дело, мог предложить Вам дважды то, что ни разу не могло утвердиться за Вами.¹ Но, впрочем, *неудачи* часто находят для себя часто такие маленькие извилистые пути, что их не углядишь и не проследишь. Так что же теперь? Вы все-таки хотите оставить ваш Воронеж и переселиться в Москву. Дай Бог к лучшему. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Вы находите, что Вам позволительно желать покинуть старое гнездо и свить его на новом месте, где чутся больше свободы и воздуха... А ведь воздух-то самый лучший для человека тот, в котором он родился и к которому привык. Смотрите, чтобы Вам не взгрустнулось в Москве по Воронежу. Вы — идеалист 40-х годов — хорошо знаете, что с проведенной жизнью в сердце нарастают какие-то таинственные фибры, которые привязывают нас и к месту, и к людям, и хоть вместе подчас нам бывает тошно, а по розну выходит иногда очень грустно. Но, не говоря фразой, а искренним словом: мне будет очень приятно порадоваться Вашим внутренним довольством, когда Вы переберетесь в Москву или куда бы то ни было, и на новоселье напишите мне от души откровенно и весело, как человек, которому хорошо себя чувствуется и заново не плохо живется. В ожидании чего я со смирением прочла Вашу заметку о *Рое*² и на одно только могу по советам ответить Вам не как старому грешнику (Ваши слова), воспитанному на Эстетической Критике, а как знакомому незнакомцу, говоря с ним совершенно откровенно. Вы можете досадовать и критически гневаться на что Вам угодно, находя, что и то не по Вашему эстетическому вкусу и другое; но не говорите: что картина *умышленно* не полна, что художник *умышленно* пренебрегает всеми принятой манерой изображения. Верьте же моему слову, что никакого, ни малейшего умысла во всем этом нет. Может быть, этим обозначается неполнота, недостаточность моего дарования к совершеннейшему изображению того, о чем пишу я; но заранее принятого намерения писать именно вот так, а не *как пишется*, этого у меня положительно нет. Я владею только главной основной силой произведения, его сюжетом в крупных чертах, все же остальное является само собою под пером с такой силой чего-то внутренне самодействующего, что я иногда сама себя спрашиваю: к чему это и зачем? Кажется, оно вовсе не нужно и не будет идти. Но я пишу по какому-то неотступному побуждению и, написавши, полнейше вижу, что место, возбуждавшее мое сомнение и нерешительность вначале, — имеет всю свою художественную необходимость в полноте создания.... «По моему крайнему разумению», добавляю я: потому что писателю, когда он стоит один на один перед своим созданием, гоняться за чужим разумом немножко некогда.

Пишу к Вам на маленьком новоселье, т. е. оканчиваю письмо. Знаете ли Вы или не знаете, что я совершенно одинока, живу с двумя живы-

ми летописями старины, матушкою и тетушкою; но вот к нам на зиму приехала моя двоюродная сестра с ребенком.³ Я уступила ей свой угол в нашем небольшом доме, а сама перебралась во флигелек и праздную свое новоселье окончанием письма к Вам. Будьте здоровы и благополучны в Ваших желаниях и исканиях — искреннее желание уважающей Вас Н. Соханской

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокородию / Михаилу Федоровичу / де Пуле. / В Кадетский корпус. Почт. штемпель: Воронеж, 21 ноября 1864

На обороте другой рукой: 14 ноября 1864 года / Ст<анция> Теплянка

¹ Весной 1864 г. И. С. Аксаков сначала предложил Де-Пуле стать редактором газеты «День», а затем, откликаясь на просьбы знакомых, служивших в Северо-Западном крае (как назывались польские и литовские губернии), — редактором «Виленского вестника» (это предложение критик и примет в 1865 г.). Одновременно в переписке с Аксаковым обсуждалась возможность поступить на службу директором одной из гимназий в Виленской губернии или в Белоруссии.

² Вероятно, подразумевается не статья, а отзыв в письме.

³ Любовь Михайловна Зенкович (урожд. Лохвицкая, во 2-м браке Лавринович; ?—1876) и ее дочь Мария Онуфриевна (в замуж. Мозговая, во 2-м браке Краснокулова; 1860-е — не ранее 1909), впоследствии наследница Соханской.

15

9 февраля 1866 г.

9 февраля 1866.

Макаровка.

Любезнейший и скажу даже: дорогой Михаил Федорович! За столько верст, отпустивши Вас на подвиг Русского дела, родная Вам Украинно-русская земля может голосом из среды себя поприветствовать Вас дорогим именем. Здравствуйте же! Бог Святой Вам в помощь в Слове и деле! По этому сердечному, душевному привету Вы можете судить, что отвечать Вам ранее, вероятно, что-нибудь особенное помешало мне, а вовсе не мелочное: «Вы мне не писали довольно долго, дай вот и я, мол, протяну ответ». Совсем не то. По первому живому впечатлению Вашего письма я тотчас хотела отвечать; но мое письмо могло не застать в Воронеже. А сказать Вам хотелось так много искреннего, что жаль стало, чтобы не затерялось письмо. Я с особенным вниманием останавливалась на словах и на смысле того, чем Вы объясняете овладевшее Вами беспокойство.

Охоту к перемене мест
Весьма мучительное свойство...¹

Но мучения Ваши, как видно, жизненно-молодые, Вы еще бодр человек в силе. Дай вырвусь из гнилого болота (так говорите Вы) — «Хоть

горше да иньше» — подсказывает Вам хохол-украинец с своей замысловатой улыбкою. Но в том-то и бодрость, в том-то и свежесть здоровой души и здорового дела, что задорная улыбка веселит, а не смущает их. Вы назвали себя «пролетарием», хотя, конечно, очень сытым и довольным, и, как ни странно это сопоставление понятий, но я с Вами согласна. Кто не владеет пядию родной земли — не имеет места ступить ногою и сказать: эта мать сырая земля, она моя! тот словно не сын ее, не сын Земли Русской; а бедняк и скиталец на ней, которая родным своим сынам крепка, велика и широка на всех их. И эту ширь Вы теперь вымеряли, перебравшись из черноземной Воронежской полосы в песчано-болотную полосу Литвы! Подавай Бог! если не бóльшей шири, то бóльшей силы в борьбе с литовскими колдунами и историческими упырями, которые почти высосали Западную и Юго-западную Русскую кровь. Будьте же нравственно крепки родимому краю, Вы, который и шли за тем, чтобы в борьбе и силе живого Слова потрудиться и побороть врага! У нас везде борьба. Поверите ли Вы, что Харьков весь, как сетью, покрыт и оцеплен польской интригою.² Там делают такие дела, что не знаешь: где же это честь и рвение того, что зовется смыслом и жизнью в обществе, называемом русским? И полнейшее наше разьединение перед сплоченной массой польской не умирающей интриги, слепота, пошлость и немецкая буква чиноначалия, которая знает свое дело на бумаге и знать не хочет дела Русской всенародной жизни. Все праздники и недели Нового Года я прожила в Харькове и насмотрелась, узнала добра...

Я не знаю: известно ли Вам было, что я провожу мою жизнь с двумя старухами, прожившими по $\frac{3}{4}$ века. И, когда я была в Харькове, мне дали знать, что тетушка больна к смерти. Я приехала, застала ее живою, обрадовавшеюся мне, в полной памяти, и на другой день я прочитала ей отходную и закрыла глаза.³ Это была привязанность, так сказать, вросшая в сердце с самых ранних детских младенческих лет. Тетушка была незамужняя, всегда жила с нами и, если она была для меня многим, то я была для нее всем и всем в ее жизни. Она была любительница сада, всякой кусточек в нашей степной Макаровке был посажен, обрезан и окопан ее руками. Бывало она в большой летний день в зной или под осень в непогоду копает целый день в саду, и вся награда ее труда состояла в том, чтобы вечером сказать мне: «А посмотри, Надя, сколько я наработала». И еще другая смерть: мой друг из друзей, единственный человек в жизни, который благодетельствовал мне словом и участием в мое бывшее тяжкое безвестное время, — Петр Александрович Плетнев умер в Париже.⁴ У нас на Руси, не богатой людьми, одним благороднейшим человеком меньше. Жена его,⁵ которую я люблю как воплощенный идеал женщины и которая любила мужа и служила ему во время его тяжелой продолжительной болезни со всею полнотою женского самоотвержения, истощенная,

больная и почти умирающая, воплем души говорит мне: «научи меня жить в том мире, где *его* уж нет!» И чтобы окончить эту страницу Смерти, я спрошу Вас: знаете ли вы, что Ваш бывший товарищ по Университету — Запара — умер в Харькове в декабре?⁶

На новом листке — подержавши перо в руке — я начинаю говорить о новом предмете. В Ваших переездах к концу года Вы едва ли могли познакомиться с моей «Просьбою».⁷ Она явилась в последнем заключительном № Дня, кланяясь нашему обществу на все четыре стороны. Вам, как делателю Русского дела, Просьба моя не может быть чужда, и я препровождаю ее к Вам, как соредактору Виленского Вестника, прося перепечатать ее.⁸

.... Ну-те, дорогой Михаил Федорович! Вот вы и на новом месте и за новым делом. Как Вам себя чувствуетесь? Вы еще бодры, свежи, одушевлены? Тоске по родине, или попросту, русской хандры еще рано прийти и схватить Вас за ретивое. В добрый спокойный часок, поминная добром, а не лихом свою черноземь, присядьте-ка и расскажите, поделитесь впечатлениями и сомнениями и подарите меня Вашим Виленским Вестником. В сочувствии Вашему делу Вы не можете сомневаться во мне — и в немногих, кто русским сердцем понимает: в чем дело? И будьте довольны тем Ваши первые ценители и судьи — русские Западного Края и правительственная среда; а здесь до кого дойдет? Разве Москва в своих лучших ревнителях поклонится Вам с любовью. Нет, крепитесь, бодрствуйте сами. Да поможет Вам Московско-Иверская Вратарница⁹ широко войти в Ваше дело и стать в нем недремлющим стражем!

На этом ревностно-задушевном желании можно бы было и окончить письмо; но мне все напоминает та мысль, которая явилась у меня в первое время, когда я узнала: что вот Вы оставляете Воронеж, едете через Москву, поселяетесь в Вильно деятелем Русского дела — хорошая мысль, которую Вы, может быть, выслушаете с маленькой улыбкою — а потом, Бог весть: из зерна вырастает пшеница и потом колосится и зреет. Да! я не совсем этому верю, но, однако же, это вопрос: правда ли, как мне говорили наверное, что Вы нынешним летом были в деревне у Запары, сл<едовательно>, ехали в 3-х верстах от меня и даже не кивнули мне головою? А Вы не только кивните, а хорошо поклонитесь от меня Петру Семеновичу Бессонову.¹⁰ Я, по крайней мере, имею очень приятное воспоминание о знакомстве с ним в Москве у Кн<язя> Одоевского,¹¹ и он меня чрезвычайно обязательно познакомил со всем производством Синодальной типографии.¹²

За тем будьте здоровы; будьте тем, чем Вы обещали быть в Вашем письме и — давайте на крепкое пожатье Вашу руку.

Н. Соханская

<Адрес:> В Вильну. / Инспектору Виленской гимназии / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де-Пуле.

Почт. отметка: 12 феврал<я> 1866 года, / Ст<анция> Теплин-ка / Харьков<ской> / Губер<нии>

Помета Де-Пуле на л. 39 слева вверху: Получено 25 февраля

¹ Цитата из «Евгения Онегина» (гл. 8, стр. XIII).

² В 1865 г. одну из своих корреспонденций в газету «День» (Вести с хутора // 1865. 9 окт. № 36. С. 848—851) Кохановская посвятила нашумевшей истории шайки дворян-фальшивомонетчиков, возглавляемой поляком Шипшинским. См.: *Семья Аксаковых*. С. 512—513.

³ К. Г. Лохвицкая умерла 11 янв. 1866 г. (Там же. С. 270).

⁴ П. А. Плетнев умер в Париже 10 янв. 1866 г. (29 дек. 1865 г.).

⁵ *Александра Васильевна Плетнева* (урожд. кнж. *Щетинина-Ростовская*; 1826 или 1827 — 1901), вторая жена П. А. Плетнева (с 1849 г.).

⁶ Д. Ф. Запара (см. примеч. 9 к п. 3) скончался 6 дек. 1865 г.

⁷ *Кохановская <Соханская Н. С.>*. Просьба // *День*. 1865. 18 дек. № 52. С. 1245—1246. В этой заметке писательница призывала к пожертвованиям на православные братства на Волыни и, в частности, на опекаемое ей одно из таких братств, в с. Япоть.

⁹ В ряде областных газет статья была перепечатана.

¹⁰ Иверскую икону (главную святыню Москвы) называют Вратарницей — по месту ее нахождения и по историческому месту первообраза — над воротами Иверского монастыря на Афоне. Письмо написано за несколько дней до празднования этой иконе — 12 февр. ст. стиля. В то же время в словах Соханской прослеживается и намек на виленскую святыню — Остробрамскую икону, т. е. тоже Вратарницу (*брама* — ворота).

¹¹ Соханская ошибочно называет отчество *Петра Алексеевича Бессонова* (1828—1898), слависта, этнографа, фольклориста, историка литературы. В это время (несколько ранее, чем Де-Пуле) он тоже поступил на службу в Вильно; неоднократно упоминается в письмах Аксакова к Де-Пуле.

¹² Речь идет о кн. В. Ф. Одоевском.

¹³ Ср. в письме к А. В. Плетневой от 27 сент. 1862 г.: «...осматривала Синодальную типографию прекрасно с Бессоновым...» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 9, ед. хр. 162, л. 80). П. А. Бессонов служил в Синодальной типографии в 1858—1865 гг.

Приложение

Письмо М. Ф. Де-Пуле к И. С. Аксакову от 29 июня 1864 г.

В архиве М. Ф. Де-Пуле в ИРЛИ сохранился и еще ждет публикации большой корпус неопубликованных писем И. С. Аксакова 1859—1885 гг. (ф. 569, ед. хр. 105—107; 34 п.), но всего лишь три ответных письма находится в фонде Аксаковых. Первое из них относится как раз к интересующему нас периоду 1860-х гг. и проясняет обстоятельства, предшествовавшие переезду Де-Пуле в Вильно. Печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 498, л. 1—4 об.

Милостивый Государь
Иван Сергеевич!

Вот уж последнее Ваше письмо так действительно меня взбудоражило.¹ Место редактора я принимал с величайшим удовольствием,

и вся тревога состояла в том, — можно ли будет принять мне условия, которые предложат. «О, если бы можно было!» — я продолжал думать до самой пятницы, 26 числа, когда получил я последнее Ваше письмо. Совсем иное дело место директора Гимназии, иная деятельность, иные требования от человека... Я совершенно откровенно писал Вам: кто я и что я? — Я вовсе не администратор, и учебно-бюрократическим честолюбием не обуреваюсь. Места инспектора военной гимназии (с 2500 р. и квартирою) я бы не принял; места директора Губернской гимназии в одной из великорусских губерний — также. Первое место требует всего человека, и я не могу отдаться делу, которое идет и будет идти глупейшим образом до тех пор, пока будет существовать замкнутость заведения с полувоенным характером. Наши российские директора Гимназий, Вы, конечно, знаете, большею частию чиновники. Инспекторство в военной и директорство в губернской (последнее по Харьковскому округу) Гимназии для меня не совсем мечта; но, говорю Вам чистосердечно, ни того, ни другого я не желаю. Еще чистосердечнее скажу Вам, что я тягочусь моим теперешним местом помощника инспектора. С преобразованием нашего корпуса в военную гимназию это место упраздняется, и я остаюсь в Воронеже только учителем. Задолго до Ваших писем,² когда у меня отняли редакцию губер<нских> ведомостей, я решился изменить свою жизнь. Я считал себя вправе сказать: в Воронеже довольно пожито и посилено сделано; довольно приобретено и потеряно! Пусть явятся на смену те, которым, может быть, нет простора. Пора, хочется пожить несколько иначе. План мой состоял в том, чтобы перейти в Москву, учителем в один из корпусов, а так как учительского жалованья не хватит на прожитье, то списаться с Вами и спросить у Вас: не будет ли мне какого-нибудь определенного занятия при редакции «Дня»? Не упадок энергии и сил заставил меня принять такое решение, а желание изменить образ жизни и деятельности. Мои небольшие силы еще не стареются; еще думается, что они годятся на что-нибудь более полезное, чем шестнадцатилетняя жизнь моя в Воронеже. Вот почему предложение Ваше о редакторстве Вил<енского> Вестника восхитило меня, а предложение о директорстве взбудоражило. Директор в Белоруссии — это ведь не то, что у нас: в его руках могущественные средства борьбы против полонизации. Чиновничеством, бюрократизмом тут ничего не сделаешь; нужна деятельность живая, ношение в сердце, а не на языке русского человека. Что же! дело хорошее и я, может быть, буду для него полезен. В незнакомой мне край я приду с горячим желанием добра русскому делу; я возьмусь за пропаганду его, насколько это возможно мне, воронежско-тамбовской провинциальщине. — «Ну, и прекрасно! Вы скажете: и этим делом можно восхищаться!» — Но я не восхищаюсь: иное дело перо, иное — практическое его приложение. В первом случае, без лести скажу Вам, всякая скучность с моей стороны восполнилась бы «Днем»; во втором... но во втором, как практический человек, как человек дела, я робею,

я чувствую себя слабым. Я уверен, что если на каждое директорское место в Белоруссии отыщется по 10 претендентов, то все они будут практичнее и деловитее меня. Я могу не уступить им только в любви к нашей милой России и в понимании того, что нужно сделать путем Государственного просвещения в ополченных местностях. Если это сочтется чего-нибудь стоящим, то *я принимаю место директора Гимназии в Северо-Западном крае*. — Но вот еще вопросы: где, т. е. в какой губернии, и на каких условиях? Но об условиях Вы сами меня спрашиваете. Никогда я материалистом не был; идеальную сторону дела я Вам указал, но нельзя умолчать о материальном обеспечении в мои годы и после 16-летней коронной службы, сулящей мне через 9 лет посмертные 750 р. сер<ебром>. В деле, в котором я вижу столько душевного, я торговаться не буду. Но если бы наша речь о выгодности условий, то, принимая место редактора Вилен<ского> Вестника, я согласился бы на меньшие условия, чем теперь, когда вопрос зашел о директорстве. Скажу Вам одно точно и определенно: я не соглашусь принять места, если директора белорусских гимназий получают жалованье *даже* по вновь-прозектируемым штатам, т. е. от 2000 до 2500 р. с<еребром>; о теперь же существующих штатах, 800—900 р., и говорить нечего. Судите сами! Я получал здесь 1500 р. при казенной квартире. Теперь, т. е. с августа, по случаю прибавки 4-х уроков в неделю, мне дают 1800 р.; губернская гимназия упрасивает меня давать уроки из русской истории в VII классе. Все это составит до 2 тысяч р. с казенной квартиры. Правда, на будущий учебный (1865/66) год я лишусь квартиры; но все же две тысячи руб. я могу добыть в Воронеже, — положение, при теперешней дороговизне, скромное, но не такое, однако же, чтобы оно заставило человека броситься куда зря. Променять это положение я желаю только на выгоднейшее, а не полы-о-полу. — У меня не только нет ни гроша в запасе, а еще на шее 600 р. долгу; уничтожение хозяйственного обзаведения и разного домашнего скарба и обзаведение им на новом месте, — все это также что-нибудь да стоит. Вопрос о месте также весьма важен. Я с удовольствием поехал бы в далекую Вильну и теперь с большей охотой поеду туда. Этот город соединяется железной дорогой с Москвой, откуда рукой подать в Воронеж или Тамбов, две близких моему сердцу Губернии. Наконец Вильно, как город, выше прочих. Еще ничего в Ковне и Гродне; но в ближайших географически, но отдаленнейших от нас по сообщению, Могилеве, Минске и Витебске... умрешь, пожалуй, на чужбине. Это тяжело тем более, когда не имеешь уверенности в успехе того дела, на служение которому идешь. А потому, если придется принять место в этих трех последних городах, то я желал бы, чтобы оно по крайней мере более вознаграждало, чем Вильно. Но во всяком случае, *директором уездной Гимназии я быть не согласен*. —

Вы просите меня быть откровенным; я был им и есть в трех последних моих письмах, особенно вот в этом, почему оно и вышло такое

большое. Согласитесь, что мне трудно определить арифметически мои материальные требования, чего Вы желаете. В Вильно я поехал бы за 3 тысячи руб. при казенной квартире, при 1500 р. пенсии. В этой столице Литовско-Белорусского края я мог бы работать и пером; в другие города я желал бы большей материальной приманки, т. е. жалованья, при той же, пожалуй, пенсии. В Воронеже все меня знают, и общественному мнению нашего города я за многое благодарен. Здесь бы никого не удивило, если бы я, ставши на какую-нибудь правительственную высоту, продолжал вести тот же самый весьма скромный образ жизни. Не то там, на Северо-Западе, особенно в Вильне: в интересе дела директор Гимназии, как представитель государственного, в особенности же русского просвещения, должен быть поставлен не ниже иных представителей. Если дело уладится, то необходимы, как и водится, прогонные и подъемные деньги. — Право, у меня голова идет кругом. «Ну что, думается, если дело не сладится, а между тем, может быть, и хорошо удалось бы повести его! Удалось бы, может, принести пользу краю и умереть с отрадным сознанием, что недаром жил на свете». А в то же время шепчет другой голос: «Поедешь, будешь хлопотать и трудиться, а в результате нуль и моральные страдания в те годы, когда человек вправе рассчитывать на некоторое успокоение!» — Великое дело молодость, ни перед чем не останавливающаяся во имя добра и правды! —

4-го или 5-го июля я поеду в Тамбов (адрес мой: *Константину Максимовичу Иванову, надзирателю Губерн<ской> Гимназии, с передачей такому-то*), где пробуду до 17-го числа. А потом начну переезды по Козловскому и Липецкому уездам, почти не заезжая в города. Поездка моя продолжится с месяц, но может и сократиться, если это будет нужно. От 17 июля по 1-е августа, значит, Вам писать ко мне некуда. С 1-го августа опять пишите в Воронеж. Затем прощайте и простите за докучливое письмо. Глубоко Вас уважающий

М. де Пуле.

29 июня 1864 г.

Воронеж. —

¹ Де-Пуле отвечает на письмо от 12 мая 1864 г. (РО ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 105, л. 17—19), в конце которого Аксаков осведомлялся — примет ли Михаил Федорович предложение М. Н. Муравьева и И. П. Корнилова стать редактором «Вилenskого вестника». «Дело прекрасное, но... Газета все-таки официальная, орган Муравьева. Человек он полезный для края, но — может быть, Вы не захотите поставить литературное дело от него в зависимость» (Там же, л. 19).

² Переписка, начавшаяся в 1859 г., оборвалась с прекращением издания «Русской беседы» и возобновилась в 1864 г. Возможно, письма, предшествовавшие упомянутому в примеч. 1, не сохранились. Следующее из известных писем Аксакова датировано 22 авг. 1864 г. (Там же, л. 20—21).

Библиографический список

1. Воронежская беседа на 1861-й год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861.
2. Де-Пуле М. Ф. О повестях г-жи Кохановской (И. А. Придорогину) // Русское слово. 1859. Дек. Отд. II: Критика. С. 1–36.
3. Де-Пуле М. Стихотворения Ивана Никитина // Русское слово. 1860. Апр. Отд. II. С. 1–22.
4. Котов А. Э. «Великая идея всероссийзма»: Политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского университета. Сер.: История, политология, социология. 2016. № 1. С. 54–59.
5. Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская): Биогр. очерк. СПб., 1909.
6. Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 277–312.
7. Пономарев С. И. П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская): (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Там же. 1896. Июнь. С. 469–479.
8. Пономарев Ст. Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней // Там же. 1897. Февр. С. 561–568.
9. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018.
10. Фетисенко О. Л. «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 232–252.
11. Фетисенко О. Л. Кохановская (Н. С. Соханская) в газете «День» // «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты. СПб., 2017. Ч. 1. С. 81–94.